

ТРИЛОГИЯ "МЕЛАНХОЛИЯ"

Эрик Аксл Сунд

Бумажные души

18+

CoRpus

ОТ АВТОРА МИРОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
"ДЕВОЧКА-ВОРОНА"

Лучший скандинавский триллер

Эрик Сунд

Бумажные души

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

Сунд Э. А.

Бумажные души / Э. А. Сунд — «Издательство АСТ»,
2022 — (Лучший скандинавский триллер)

ISBN 978-5-17-150630-8

«Бумажные души» – это третья, заключительная часть трилогии «Меланхолия». Девушку-подростка задерживают за драку, однако выяснить, кто она и откуда, оказывается почти неразрешимой задачей. В то же время публикуется роман Пера Квидинга о юной Стине, эмигрировавшей в XIX веке в Америку. Повествование вмещает в себя множество намеков, идей и временных пластов, а главное – оно держит читателя в напряжении до последних страниц. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-150630-8

© Сунд Э. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	31
Пер Квидинг	34
Глава 9	36
Глава 10	39
Пер Квидинг	41
Глава 11	43
Глава 12	45
Глава 13	47
Пер Квидинг	50
Глава 14	52
Глава 15	54
Глава 16	57
Глава 17	61
Глава 18	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Эрик Аксл Сунд

Бумажные души

“Если забрать птенца из гнезда и дать ему вместо матери резиновый сапог, птенец будет считать, что сапог и есть его мать.

Если показать птенцу два “гнезда” – одно жесткое и холодное, но с едой, а второе мягкое и теплое, но на том его достоинства будут кончаться, то птенец всегда выберет второе. Мягкое и теплое”.

Пер Квидинг “Жизнь и смерть Стины”

Eric Axl Sund

Otid

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Erik Axl Sund, 2022

© Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2023

© ООО “Издательство АСТ”, 2023

Издательство CORPUS®

Глава 1

Сортировочная станция Томтебуда

Товарный поезд с грузом балансовой древесины прибыл для маневровых работ на станцию Томтебуда ранним утром. Машинист не знал, когда можно будет ехать дальше. Судя по расписанию, поезд опоздает еще больше; строго говоря, ему вообще нечего здесь делать. Состав должен был пойти напрямиком в Хальсберг, на бровикенскую бумажную фабрику, но из-за проблем с полотном поезд направили в бутылочное горлышко в центре Стокгольма. Может быть, к югу от города его, машиниста, ждет сменщик.

В последние годы машинист подумывал вернуться в Финляндию – страну, где железнодорожные перевозки контролируются как положено. За услугу одного и того же качества житель Финляндии заплатит вдвое меньше своего шведского соседа, а Швеция по числу частных железнодорожных перевозок обгоняет другие европейские страны. Здесь никто не отступится от либерального мифа о том, что рынок решает все. “Как детишки, которые играют в железную дорогу”, – подумал машинист.

Получив очередное сообщение о том, как обстоят дела на маршруте, машинист решил проверить вагоны. Это следовало сделать еще в Бурлэнге, однако из-за проблем с логистикой не хватило времени.

Но сначала он покурит, курить давно уже хочется. Машинист вылез из кабины. Над пустынной сортировочной разливался желтый рассветный свет. Машинист прислонился к ограде у путей и свернул сигарету.

Ветер уже теплый. Хороший будет день. Машинист сунул самокрутку в рот, пососал табачные крошки. У “бороды”, как это называлось у него на родине, был сладковатый вишневый вкус.

В одном из последних вагонов наверху лежали еловые бревна потоньше; покрывавший их белый пластик шуршал на ветру. Отошел всего один угол, но и того достаточно, чтобы брезент за что-нибудь зацепился и потащил за собой нетолстые бревна. Иногда во время погрузки в вагон попадает всякая ерунда, но оторвавшийся брезент крановщики должны были заметить еще в Свеге?

Так и не закулив, машинист сунул самокрутку в нагрудный карман и пошел вдоль ограды к вагону. Когда он подошел ближе, ему показалось, что под брезентом не только бревна.

*Perkele*¹.

Машинист перешагнул рельс и запрыгнул на площадку вагона. Уцепившись за железную опору, он поставил ногу на толстое бревно и потянулся вверх, рассмотреть получше.

Вот оно.

Черт, да это же рука.

Чья-то грязная рука торчала из рукава рваной темно-зеленой куртки, а когда порыв ветра приподнял брезент, машинист увидел волосы.

В длинные светлые пряди набилась хвоя и опилки.

Покойница, подумал машинист. Посмотреть самому, что там, или вызвать полицию? Стараясь удержать равновесие, машинист нерешительно взялся за следующую опору.

Единственным мертвецом, которого ему до сих пор доводилось видеть, был его отец. Ветеран Зимней войны, летом шестьдесят пятого отец рассмеялся в лицо полученному на фронте тяжелому расстройству: дома, в Карлебю, отошел в лес, сунул “ананас” в рот и сорвал чечу. Когда отца нашли, жуткие останки мало напоминали человеческое лицо.

---

¹ Черт (финск.).

Вряд ли эта покойница выглядит страшнее. Машинист потянулся и приподнял белый брезент.

На него внимательно уставился черный глаз. Мертвая до этой минуты рука внезапно ожила.

Глава 2

Мидсоммаркрансен

Стояла необычная для этого времени года жара – двадцать семь градусов в тени – и безветрие. Комиссар уголовной полиции Жанетт Чильберг устроилась с чашкой холодного чая в гамаке в саду за домом, пытаясь насладиться последним свободным днем. Она взяла недельный отпуск пораньше, чтобы по возможности привести дом в порядок.

Осматривая участок восемь месяцев назад, Жанетт обошла и эту развалюху в два этажа. За прошедшее время дом не изменился. Жалкие остатки красной краски на фасаде и редкие белые чешуйки, задержавшиеся на углах. Проржавевшие водостоки, потемневшие оконные рамы.

Жанетт нравилась эта идея: не хлопотать о внешнем – о том, что у всех на виду, – а сосредоточиться на том, что внутри. Самой ей это давалось с трудом.

Гамак скрипнул: Жанетт потянулась за чашкой и сигаретой. Стояла духота, в воздухе как будто не хватало кислорода, отчего Жанетт одолела апатия. Столько всего надо сделать, чтобы обжить дом.

Она посидела еще, допила чай, вернулась в дом, включила в гостиной телевизор и села на диван с коробкой фотографий. Хотелось выбрать что-нибудь, что можно повесить на холодильник.

По телевизору шла литературная передача, и Жанетт вполуха слушала, как ведущий – у него явно выдалась трудная полоса в жизни – представляет гостя-писателя.

– ...итак, это ваша пятнадцатая книга, и действие впервые разворачивается в прошлом, а точнее – во второй половине девятнадцатого века. Вы не могли бы поподробнее рассказать о том, как родился этот сюжет?

– Ну, это не пятнадцатая моя книга, а шестнадцатая...

Жанетт подняла взгляд на экран и, увидев гостя программы, вздохнула.

Пер Квидинг – ее ровесник, он недавно разменял шестой десяток – выглядел на удивление хорошо. Двадцать лет назад, в конце девяностых, он дебютировал с “Дорогой жизни” – романом в духе нью-эйдж. Жанетт его читала, и “Дорога жизни” запомнилась ей как философская книга, которая призывала читателя оставаться верным мечте. Книга показалась Жанетт поверхностной и плохо написанной, так что она изрядно удивилась, когда “Дорога жизни” стала бестселлером. Квидинг заработал целое состояние и объездил весь мир, продвигая “Дорогу жизни”; он получал престижные награды и участвовал во всех мероприятиях, достойных определения “культурное”.

Жанетт вернулась к разложенным на столе фотографиям; ее взгляд задержался на снимке, который она распечатала прошлой весной. Ее сын Юхан на весенних каникулах в Сан-Франциско вместе с какой-то девушкой. По его улыбке и выражению глаз становилось ясно, что девушка рядом с ним – не просто приятельница.

На экране телевизора Квидинг рассказывал о своем новом романе, основанном на реальных событиях, и Жанетт вспомнила, что произошло после того, как его первая книга завоевала успех. Квидинг развелся с супругой и женился на своей литературной агентше. С разводом вышла какая-то грязная история; бывшая жена в нескольких резких интервью жаловалась, что “Дорога жизни” – это плагиат и что автор рукописи – она. Квидинг с бывшей женой тогда достигли чего-то вроде мирового соглашения, но Жанетт не сомневалась, что Квидинг просто купил молчание жены. В любом случае, теперь все выглядело не более чем досужими рассуждениями. Жена Квидинга ничего больше не могла сказать: она скончалась от рака груди.

Жанетт подумала о собственном бывшем муже Оке, художнике, который разбогател, добившись успеха. Успех пришел к Оке почти десять лет назад, и хотя в паршивые времена Оке поддерживала Жанетт, она не дождалась от него даже “спасибо”.

Жанетт смотрела на фотографию их улыбающегося сына. Ему уже двадцать три года. Официально они оформили совместную опеку, но неофициально великого художника ни капли не интересовал его единственный ребенок. Интересно, думала Жанетт, какие у них сейчас отношения?

Ты или борешься с одиночеством, или принимаешь его с распростертыми объятиями.

Сама она, как правило, выбирала одиночество сознательно, однако были два исключения. С той стороны, где Юхан, все еще зияла пустота.

Вскоре после того, как Оке удрал, она сама кое-кого встретила. Человека, который потом внезапно исчез из ее жизни, и она никак не сумела воспрепятствовать этому.

София Цеттерлунд, которая помогла ей распутать невероятно запутанное дело.

София Цеттерлунд, которая стала ей близкой подругой.

София Цеттерлунд, которую она со временем смогла бы полюбить.

Проклятая София.

А теперь уже ничего не изменишь. Слишком поздно. Поздно рожать детей, поздно менять жизнь.

– *Недавно я осматривал дом, доставшийся мне по наследству – дом моей тетки возле Юсдаля, в Хельсингланде, и нашел дневники, которые одна моя родственница вела в шестидесятые годы девятнадцатого века. Женщину эту звали Стина, она родилась в отдаленной деревушке, в Емтланде.*

Жанетт снова перевела взгляд на экран телевизора. Что-то в голосе Пера Квидинга пробудило ее любопытство. Жанетт она отложила в сторону и фотографию Юхана, и воспоминания десятилетней давности. Голос у Квидинга был как у хорошего рассказчика: внушающий доверие. Голос старого друга, подумала Жанетт.

– *По ряду причин Стина оказалась в Стокгольме. Вероятно, она, как и многие, бежала от Большого голода и в Сёдермальме сделалась чем-то вроде местной достопримечательности. Она бродила по улицам, кликушествовала; в конце концов ее отправили в лечебницу для душевнобольных с диагнозом “религиозная одержимость”... Я абсолютно уверен, что Стина не была безумной. На самом деле она пыталась нам о чем-то сказать. О чем-то, что она пережила в детстве, когда едва не умерла. В новом романе я постарался изобразить ее переживания. Я знаю, о чем речь: мне тоже случалось переживать нечто подобное...*

Жанетт мало знала о личной жизни Пера Квидинга. Знала только, что он время от времени исчезал из поля зрения общественности, и его имя появлялось в СМИ, только когда он начинал продвигать очередной роман. Рецензентов его новые книги не слишком впечатляли, однако читатели не перестали покупать их. Частная жизнь Квидинга так и не сделалась достоянием общественности, зато вечерние газеты с удовольствием обсуждали его финансовое благосостояние.

– *Я всегда ревностно оберегал свою личную жизнь, почему и не предъявлял эти дневники широкой публике. Но теперь, мне кажется, пришла пора назвать вещи своими именами...*

Жанетт слушала Квидинга с некоторым удивлением. В молодости тот работал медбратом-анестезиологом, вел обычную с виду жизнь, но при этом пил и принимал волшебные таблетки. Во время одного из практически ежедневных возлияний он вышел в море на моторной лодке. Произошел несчастный случай, Квидинг едва не утонул, впал в кому, и пока врачи бились над спасением его жизни, Квидинг очутился в каком-то пограничье.

– *Это было не ментальное переживание и не физическое... Какое-то другое. Интересно, что я очнулся на седьмой день. Когда Господь отдыхал, я очнулся...*

“Чуть не утонул?”, – подумала Жанетт.

– Спасибо, Пер. Мы с интересом прочитаем обо всем этом и о вашей давней родственнице Стине... После короткой паузы мы вернемся в студию.

Жанетт унесла на кухню и повесила на холодильник фотографию Юхана, сделанную на весенних каникулах, пару его старых школьных снимков и фотографию футбольной команды.

На кухне она убрала посуду, простоявшую на столе с самого завтрака, и запустила посудомоечную машину. Телевизор в гостиной продолжал работать.

– Стина верила, что видела Бога, чистилище и рай. Сам я, как вы, наверное, догадываетесь, далек от религиозности. Мне кажется, все, связанное с духовностью, остро нуждается в новом дискурсе, и по возможности я избегаю слов вроде Бог, ангелы, небеса и преисподняя. Разговорами о божественном можно распугать людей, такие слова препятствуют серьезной дискуссии.

Голоса из телевизора и шум работающей посудомойки не заглушили телефонного звонка. Жанетт вернулась в гостиную и поискала взглядом телефон.

– Хватит разграничивать духовное и научное. Разве не глупость – не изучать непонятное? Предположим, что мы точно так же смотрели бы, например, на микробиологию... Насколько ограниченнее и невежественнее мы были бы! К откровениям людей вроде Стины стоит относиться серьезнее, а не объявлять их сумасшедшими или одержимыми. Давайте извлекать уроки из опыта этих людей, а не упрятывать их в лечебницу...

Когда живешь в большом доме, телефон норовит исчезнуть при каждом удобном случае. Наконец Жанетт определила, откуда идет звук. Вернувшись с покупками, она положила телефон на столик в прихожей.

– Я думаю, что рассказ Стины будет нам сейчас особенно интересен. Мы, люди, стоим перед...

Жанетт выключила телевизор, вышла в прихожую и взяла трубку.

Звонил Йимми Шварц – он, как и Жанетт, служил в полицейском управлении “Сити” и был одним из ее подчиненных.

– Еду на Кварнхольмен, – сказал он. – По-моему, тебе тоже стоит туда приехать, хоть ты и в отпуске.

Пока Шварц излагал суть дела, Жанетт с сожалением поняла, что в работе она нуждается больше, чем в отпуске.

Когда надо избавиться от пустых мыслей, то лучше работы средства не найти.

Глава 3

Белая меланхолия

На юго-западе Емтланда, там, где лес граничит со скалами, стоят три бревенчатых дома. С гор течет речка, которая впадает в озеро неподалеку. Тропинка там только одна, от домов к озеру, и если хочешь попасть куда-то еще, то придется пробираться по опасным местам: коварным торфяным болотам, дремучим лесам, крутым горам и каменистым ущельям. В лесу водятся волки, медведи, рыси и росомахи – звери, которых мы, жители этих мест, не называем вслух. У нас был козлик, но несколько лет назад он увяз в болоте – там его потом и нашли, растерзанного на куски. Сейчас у нас из всей живности только куры.

В одном доме живут Ингар и его семья, в другом – мы, Квидинги. Есть еще две постройки поменьше: сарай (и еще там хранятся семена озимых) и курятник с заборчиком. Между постройками несколько скудных наделов, но растут там в основном репа да свекла. Третий и самый большой дом стоит поодаль от двух других, в долине под скалой, в густом ельнике. Это дом Старейшин.

По вечерам над горой кружит сапсан, словно стережет ее, а иногда, особенно в летние месяцы, из одного дома доносятся звуки струнных. Я играю на никельхарпе², а Ингар – на виолончели.

Сегодня вечером музыка внезапно прервалась. Ингар перестал играть; почти тут же замолк и мой инструмент.

Ингар так тонко чувствует виолончель! Когда он подкручивает колки и водит смычком по струнам, то закрывает глаза, склоняет голову к плечу и слушает. Иногда наши инструменты расстраиваются от сырости, которая проникает сквозь бревна; даже огонь, что горит в очаге, не в силах прогнать ее.

Стоит август моего шестнадцатого года жизни; никогда еще я не видела такого сурового дождливого лета. Ингар может это подтвердить, потому что мы ровесники и всю свою жизнь прожили в Витваттнете. Здесь все не вовремя, безвременье не хочет кончаться. Хорошо, что мы есть друг у друга: когда ты не один и есть чем заняться, проще забыть про голод.

В скудном свете сумерек, проникающем в окно, я изучаю руки Ингара – мягкие, с тонкими пальцами – и вспоминаю, что они делали ночью.

Ингар похож на ангела. У него светлые выющиеся волосы, а глаза такие глубокие, что, кажется, ведут в другой мир. Ужасно жалко, когда он закрывает глаза – вот как сейчас. И сердце у него тоже чудесное – он очень любит Видара, моего младшего брата, и я этому рада, потому что Видар пришел в мир совсем недавно – всего семь лет как.

Я осторожно касаюсь струн. Для никельхарпы не написано ничего великого. Скрипка, наверное, гораздо важнее: почти во всех нотах, что я видела, есть указание настраивать никельхарпу так, чтобы ее звук походил на скрипичный.

Ингар открывает глаза и смотрит на меня. Прижимает струны виолончели, заставляя ее стонать, как сухие дрова в камине. Я улыбаюсь в ответ, делаю вид, что его взгляд меня ничуть не взволновал.

Пьеса, которую мы только что играли, написана в стране, которая называется Австро-Венгрия, хотя композитор вовсе не венгр. Того, создал эту прекрасную мелодию, зовут Франц Шуберт. По его замыслу, играть ее надо на фортепиано. Я плохо представляю себе, что такое фортепиано, но в нотах указаны короткие сильные доли, и иногда, когда я подражаю этому звучанию, зажимая струны, выходит по-настоящему красиво.

---

² Традиционный музыкальный инструмент, “шведская клавишная скрипка”.

Ингар кивает мне, и мы начинаем сначала.

Больше всего мне нравится, когда мы переходим некую черту и забываем о нотах. Иногда Ингар начинает играть слишком быстро, но замечает, что увлекся, лишь когда я догоняю его. Тогда глаза у него блестят, и он еще больше гонит музыку вперед, не обращая внимания на темп. Жилы на руках надуваются, смычок с силой скользит по струнам, а я не отстаю, играю так, что по всему телу расходится приятный зуд. Заканчиваем мы потные и счастливые, хотя и нарушили правила. Мелодия простая, всего несколько музыкальных ходов – туда-оттуда, вперед-назад, – но она пробуждает во мне смутные фантазии.

Прекраснее всего, когда мы – запретным образом – восстаем против указаний нотного листа. В музыке появляются новые звуки, новые ритмы, и создаем их мы с Ингаром. На краткий миг делаем старые мелодии, написанные в дальних странах, своими. Мы вдвоем. Он и я.

Мы играем дальше в темно-синем свете летней ночи; мысли текут свободно, и я думаю об отце, который надолго уезжал, но теперь уже вернулся домой. Пе любит нас с Ингаром, в отличие от матери, которая теперь не любит никого, кроме Видара. Ее интересует только Видар, ну еще кара Господня. Так что она, наверное, и Бога любит. По крайней мере того, каким Он предстает в Ветхом завете, до Христа.

Такие мысли приходят в голову мне, Стине из Витваттнета, когда я играю пьесу, и у нас с Ингаром одно дыхание на двоих. Окончив, он смеется – громко, словно с облегчением, прислоняет виолончель к плечу и протягивает мне руку.

На кончике среднего пальца у него капля крови; я стираю красное, подношу палец Ингара к губам и пробую: капля отдает железом. Потом я сплетаю свои пальцы с пальцами Ингара, и мы сидим так долго-долго – уставшие, держась за руки.

– Как ты думаешь, что там, за горами? – спрашиваю я.

Ингар не отвечает, только улыбается мне.

“Есть такие слова – безмолвные, будто камни в горах”, – думаю я. Другие слова шепчут... Я обдумываю, как лучше сказать. Другие слова шепчут, как лес шумит... или грохочут, как речные пороги весной. Потом я запишу это в дневник.

* * *

Когда мы с Ингаром спускаемся по тропинке к озерцу, уже совсем темно, но мы ощущаем каждый узловатый корень, каждую неровность так, будто они – часть нашего тела. Ноги сами знают, куда идти; на полпути я останавливаюсь и разуваясь. Целый год прошел с тех пор, как я ходила по лесу босиком.

Мне вспоминается, как мама рассказывала про одного мальчика. Он родился слишком рано, очень слабеньким и почти сразу умер. Вот и это лето такое же. Умрет, не пожив, жалкое, бессмысленное.

Мы спускаемся ниже, к воде; тропинка холодит ноги. Скоро она покроется серебристым хрустящим инеем. Глаза медленно, но верно привыкают к тусклому свету, и я смотрю на Ингара. Как он исхудал всего за одно лето! Щеки ввалились, виски запали, шея под длинными волосами тощая, жилистая.

Это лето хорошо перенес только мой отец: из поездки он вернулся с округлившимися щеками. Ездил он в большой поселок под названием Сэрна. На юге голод явно не такой жестокий, и все же Пе не много привез с собой: мешочек хлеба и несколько мешков с большими, твердыми как камень, зернами, которые приходится несколько часов варить, чтобы они сделались съедобными, и вкус у них сухой, какой-то земляной. А в другой раз, когда Пе ездил совсем далеко, в Норвегию, он привез мне новый смычок.

На берегу мы останавливаемся; я ставлю башмаки на землю. Дует холодный ветер, и когда платье спадает с меня, я покрываюсь гусиной кожей.

Мы купаемся в этом озере с детства. А теперь мы уже почти взрослые.

Потом мы ложимся в прибрежную траву и лежим на спине. Время – заслонка, оно процеживает секунды и минуты наслаждения и забытья; мы как будто в маленькой комнате, где значение имеют только законы тела, а весь остальной мир остался снаружи.

Я провожу пальцами по животу, нажимаю небольшую выпуклость под пупком и говорю: – Ты добрался вот сюда. Было почти больно.

Губы Ингара скользят по моему телу ниже, ниже, а я смотрю в ночное небо. Там, вверху, движется светлая точка – комета или горящий метеор; я провожаю ее взглядом, пока она не исчезает за зубчатым ельником у меня над головой.

Ощущая его рот там, внизу, я закрываю глаза и зарываюсь пальцами в его волосы, влажные после купания. Потом осторожно закидываю ноги ему на спину.

Его руки сжимают мне бедра, и я начинаю двигать ими – сначала медленно, потом быстрее.

Но что-то нарушает ритм. Я замираю и вслушиваюсь.

Сквозь шум леса доносятся чьи-то голоса. Говорят где-то далеко, как за стеной. Один голос мужской, другой – женский.

Я открываю глаза и приподнимаюсь на локтях; Ингар смотрит на меня.

– Мы давно ушли? – шепчу я.

Он улыбается и пожимает плечами.

– Они нас ищут. Твой отец и моя мать... Надо одеваться.

У Ингара на теле часто видны синяки. Отец у него строже, чем моя мать, да еще и странностей у него больше, чем у Эм. Нельзя, чтобы они нас тут застали.

Мы молча одеваемся. Я думаю: в счастье есть что-то нечестное, счастье часто приманивает тревогу. Как будто разум наказывает тело, которое позволило себе наслаждаться.

Мы шагаем по тропинке назад. Когда мы приближаемся к дому, моя дурнота усиливается.

Ингар останавливается и поворачивается ко мне. Глаза блестят в тусклом свете; он раскидывает руки, и я заползаю в его объятия, кладу голову ему на грудь, слушаю, как стучат наши сердца, случая двусердый перестук.

Все плохое сразу вытекает из меня, уходит в землю и дальше, в скальную породу.

Когда я приду домой, то опишу все это в дневнике. Опишу, как Ингар показал мне, как может выглядеть и ощущаться настоящая жизнь. *“В крови появились новые, незнакомые элементы, – напишу я. – Они заставляют кровь быстрее бежать по жилам, из-за них стучит в висках, из-за них я ощущаю трепет в груди. Никогда, никогда еще лесные цветы не цвели так ярко, кислица не была такой свежей на вкус, никогда еще лесной запах не был таким крепким”*.

Через две недели, утром, тропинка между деревней и озерцом уже покрыта белым сверкающим инеем.

Глава 4

Кварнхольмен

Стокгольм похож на тело на операционном столе. Если не надо приводить в порядок измученные конечности, удалять тромбы или родинки, значит, требуется или что-нибудь ампутировать, или что-нибудь пришить.

Полуостров, втиснутый между Сальтшёном и Свиндерсвикеном, за свою историю попал под скальпель не один раз. Всего полвека назад он был островом; потом пролив заполнился грунтовыми массами, и остров превратился в полуостров. Согласно плану зонирования, через несколько лет, когда бетон взорвут, чтобы устроить канал, полуостров снова станет островом.

Району предстояла обширная пластическая операция. Вот почему участок, который полиция обнесла лентой ограждения, оказался окруженным стройплощадками.

Труп лежал там, где через несколько лет протянется канал: под мостом, на голом асфальте площадью в сто квадратных метров. Жанетт констатировала, что этого человека застрелили.

Часы показывали начало десятого, но над щебенкой еще дрожало знойное марево. Тень вертолета уплывала на север, по направлению к причалу Сальтшёна. Техники-криминалисты только что прибыли и теперь держали совет с полицейскими в форме.

Жанетт натянула на ботинки бахилы и встала у самой ленты ограждения, поодаль от остальных. В руке она держала телефон.

– Да, предмет, похожий на пистолет, – говорила она. – Свидетельница стояла на мосту и сняла преступника на видео, так что у нас есть его приметы. Мы со Шварцем на месте. Как только выяснится что-нибудь новое, я позвоню. – Жанетт закончила разговор и сунула телефон в карман.

В тени возле опоры моста стояла полицейская машина. Свидетельница – девушка в студенческой фуражке и белом платье – расположилась на заднем сиденье.

Девушка явно была пьяна, однако не растерялась и записала подозреваемого на телефон. Проходя по мосту, она услышала выстрел и остановилась у перил: в одной руке банка пива, в другой телефон. Не будь девица пьяной, она, может, и не решилась бы включить камеру, подумала Жанетт, возвращаясь к машине.

Запись оказалась отличного качества. На ней ясно был виден мужчина лет тридцати, среднего роста, полноватый, со светлой щетиной и бритой головой. Мешковатая белая рубаша, синие джинсы, обрезанные чуть выше колен, и грязно-серые кроссовки. Скорее всего, он еще не покинул Кварнхольмен, поскольку патрульные машины быстро перекрыли мост Свиндерсвиксбрун, а также проход между Финнбудой и этой низиной. Подозреваемый вооружен, по всей вероятности – на взводе и, судя по записи, пьяный или под наркотиками.

Жанетт утерла тыльной стороной руки потный лоб, размышляя, какие у убийцы могут быть возможности. “Если он не собирается застрелиться, – подумала она, – выбор у него невелик: или сдаться, или броситься в Сальтшён”.

* * *

Комиссар уголовной полиции Жанетт Чильберг следила за карьерой своего младшего коллеги Йимми Шварца с тех пор, как он был еще аспирантом. Она поддержала его, когда он, вчерашний выпускник полицейской академии, увидел свой первый труп; она похлопала его по плечу, когда он раскрыл свое первое дело. Когда Шварц возглавил следовательскую группу, Жанетт пригласила его выпить пива.

И вот Жанетт и Шварц быстро шагали вдоль Губной гармошки – старого офисного здания, обязанного своим прозвищем фасадом, плоскому, длинному, с окнами, походившими на отверстия упомянутого инструмента.

– Не Стокгольм, а Нью-Йорк какой-то. – Жанетт кивнула на старые промышленные кварталы, ныне переделанные в жилые. Высокие по шведским меркам дома располагались так близко друг к другу, что солнце не проникало на улицы. Время от времени до Жанетт доносился вой сирен, над головой трещал вертолет. Лопасты стригли солнечный свет, и по фасаду бежали тени.

Жанетт казалось, что она чувствует исходящий от Шварца запах адреналина. Или это ее собственный адреналин? У пота какой-то особенно резкий запах; Жанетт припомнила чье-то объяснение: это потому, что в крови вдруг становится много гормонов стресса. Они со Шварцем оба торчали на адреналине, но реагировали на него по-разному. У Шварца в такие минуты рот не закрывался, а сама Жанетт делалась молчаливой и сосредоточенной.

Годы службы в полиции закалили Шварца: теперь он выглядел образцом патрульного полицейского. Холодильник с лицом боксера. Характер у Шварца всегда был железный, и Жанетт спрашивала себя, не сказалось ли тут трудное детство на окраине города. Регулярные возлияния и драки сформировали внутреннюю суть Шварца, как служба в полиции сформировала его внешность. Но на щеке, на пару сантиметров под глазом, у него было небольшое родимое пятно, которое, если смотреть под определенным углом, походило на слезу.

– Вон там, – сказала Жанетт и ускорила шаг.

В конце улицы белела бетонная ограда. За оградой раскинулась стройплощадка, где, как доложил пилот вертолета, по всей вероятности, скрывался объект их охоты. В ограде были ворота из рабицы, а расстояние между ними и землей оставалось приличным, в него вполне мог протиснуться человек. На стройплощадке царила тишина; в воздухе над горами металлолома и строительной техникой висел слой пыли.

– Погоди-ка, – сказал Шварц и поднес рацию к губам.

Пока он переговаривался с пилотом, Жанетт быстро оглядела площадку за воротами. Стройка казалась бескрайней: нагромождение двухэтажных бараков, контейнеры со всевозможным строительным мусором, возле скелета будущего семиэтажного дома высится гигантский подъемный кран.

По лбу Шварца скатилась капля пота, потом еще одна.

– Значит, стройка еще дальше?

Рация затрещала.

– Да, – ответил пилот. – Нам сообщили, что работы не ведутся уже две недели, так что там никого нет. Но я попробую получить более четкие изображения с тепловизора и дополнительную информацию. Не отключайтесь...

Взглянув на Шварца, Жанетт поняла, что адреналиновый кайф выветривается и Шварц старается не растерять его остатки. Она сознавала, что Шварц совершил ошибку, что адреналиновый угар толкнул его на необдуманные действия, и Шварц ринулся в бой, не просчитав последствия.

Но все еще можно изменить. Жанетт записала Шварца на курс по психологии, который должен был начаться осенью, а еще настаивала, чтобы он снова занялся боксом. Она знала, что бокс – кратчайший путь к умению держать адреналин под контролем. В юности Шварц входил в первую пятерку Швеции в полусреднем весе, но в семнадцать лет все бросил, отчего эта дверь для него закрылась. Чтобы справиться с агрессией, Шварц начал играть на баяне. Сейчас, разменяв пятый десяток, он продолжал музицировать.

– Тепловизор зафиксировал движение в нескольких точках, – доложил пилот. – Чуть восточнее этой стройки есть небольшой огороженный участок. Им владеет строительная фирма “W&W Bygg”. Там сейчас не меньше десятка людей. Это бывшая вилла управляющего,

раньше там располагался детский досуговый центр... Я пришлю вам ссылку на трансляцию с тепловизора.

Огибая бетонную ограду, Жанетт вызвала подкрепление. Две машины группы захвата уже прибыли на место, и Жанетт попросила бойцов приближаться как можно незаметнее.

Вскоре слева, у склона, показался дощатый забор – такой высокий, что заглянуть за него не представлялось возможным. К нему вела гравийная дорожка; когда они подошли к ограде, у Шварца звякнул телефон.

Стоя рядом с ним, Жанетт изучала изображения с тепловизора. Она усомнилась было, что в такую жару вообще можно зарегистрировать тело человеческого тела, но, почувствовав, что от Шварца только что пар не валит, передумала.

На изображении она насчитала одиннадцать человек.

– Можно влезть тебе на плечи? – спросила Жанетт, однако по голосу было ясно, что это не столько просьба, сколько приказ. Шварц нагнулся, Жанетт поставила ему на плечо одну ногу, потом вторую. Шварц крепко схватил ее за лодыжки, и Жанетт распрямилась.

– Что-нибудь видишь? – спросил Шварц, но Жанетт в ответ только шикнула.

Постояв у него на плечах пару минут, Жанетт шепотом попросила спустить ее на землю. В ту же минуту позади них показались машины спецгруппы.

Жанетт коротко пересказала десяти полицейским в “балаклавах”, что она увидела по ту сторону забора.

– Там метрах в тридцати – двухэтажный дом. Заброшенный, заросший.

Все двинулись к северной стороне забора. Когда они проходили мимо таблички, сообщавшей, что это частное владение и здесь установлены видеокамеры, послышался звук, от которого уровень адреналина у Жанетт снова подскочил.

По ту сторону забора плакал ребенок.

* * *

Пилоту вертолета не впервой было наблюдать события, разворачивавшиеся сейчас на земле. Один из светившихся оранжевым источников тепла быстро удалялся от главного здания к забору; внезапно камера зарегистрировала еще одну точку, до этого незаметную. Учитывая ее размер, речь могла идти о ребенке.

Пилот уменьшил масштаб и стал следить за передвижениями полицейских. Те разбились на четыре тройки и окружили ограду; подозреваемый снова побежал к дому, держа ребенка в руках. Теперь Чильберг предстоит решать, что делать дальше.

– Они все в доме. Ребенок находится в комнате в южном торце вместе с объектом.

* * *

Подростком Жанетт, чтобы чудесным образом успокоиться, могла съехать на велосипеде с Торнбергета в Ханинге, однако потом психолог объяснил ей, что за вожденный всплеск адреналина она платит слишком высокую цену. Вовсе не обязательно расцарапывать руки в кровь; стоит поискать другие способы обрести душевный покой. Однако бег, силовые тренировки и скалолазание оказались и вполтину не так эффективны, и Жанетт снова вернулась на Торнбергета, в самую высокую точку Стокгольма и окрестностей – сто одиннадцать метров над уровнем моря.

С маунтинбайком на плече она поднималась на самую вершину и немного отдыхала у смотровой башни, после чего спокойно, методично спускалась на велосипеде по крутым съездам горы, понимая, что все дело в том, чтобы бояться – и в то же время быть хозяйкой своему страху.

И вот сорок лет спустя комиссар уголовной полиции Жанетт Чильберг стоит перед обветшалым двухэтажным домом, сжимая рукоять пистолета. Где-то на первом этаже находится мужчина, подозреваемый в совершении убийства; возможно, он вооружен, и с ним – маленький ребенок. На заборе возле двери был кодовый замок, и еще Жанетт насчитала три камеры видеонаблюдения.

Через открытую дверь сарая, в котором должны были храниться садовые инструменты, виднелась двухъярусная кровать, пара стульев и столик для пикника. Рядом с сараем стоял большой контейнер, метров шесть в длину и два с половиной в ширину; в нем помещалась такая же кровать, что и в сарае. На перевернутом ящике из-под пивных бутылок стоял ноутбук. В темных глубинах контейнера угадывалась какая-то куча. Запах старого платяного шкафа свидетельствовал о том, что это в основном одежда.

В центре связи подозреваемого идентифицировали как Рикарда Стрида, двадцати восьми лет, чей послужной список включал в себя множественные случаи рукоприкладства и преступлений, связанных с наркотиками.

Руководитель спецгруппы, стоявший рядом с Жанетт с мегафоном в руке, только что сообщил подозреваемому, что его местонахождение установлено и что полицейским известно, что с ним ребенок.

– Рикард Стрид... выходите первым. И без оружия. Потом пусть выходят остальные. Руки держать на виду. Спокойно и без резких движений.

Иные окна в доме были разбиты, иные зияли, а где-то стекло заменили прозрачным пластиком. Дом не подавал признаков жизни, чего нельзя было сказать о плюще. Жанетт показалось, что зеленые листья растут у нее на глазах, в такт с медленным, размеренным стуком в висках. Адреналиновый покой, сорок ударов сердца в минуту. Чтобы достичь этого состояния, Жанетт когда-то требовалось съехать с горы на велосипеде; секунды перестали нестись вскачь, теперь их можно было взять под контроль и проанализировать.

За занавешенным окном промелькнула тень.

– Выходят, – сказала Жанетт.

Через мгновение входная дверь распахнулась, и на старые каменные ступени осторожно вышла девочка лет трех. Девочка почти беззаботно тащила за собой плюшевого медведя.казалось, ей не столько страшно, сколько интересно.

Жанетт ожидала увидеть запущенного ребенка, однако, по контрасту с окружавшим ее запустением, где все разрушалось, зарастало или вовсе было заброшено, девочка выглядела вполне благополучной; ярко-желтая пижама нигде не порвана, не испачкана. Девочка начала спускаться по ступенькам. Следом появился Рикард Стрид с поднятыми руками.

На белой рубашке темнели пятна пота, бритая голова блестела.

– Йонни застрелил не я, – забормотал он. – Пистолет там лежал, он вообще не мой... Это пистолет Йонни. – Он кивнул на девочку. – Ну, ее папы... Ее зовут Клара.

Иногда какие-то биохимические процессы в теле Жанетт говорили ей, что ситуация больше не опасна. Это чувство напоминало похмелье после вечеринки, которая кончилась, не успев начаться как следует: слабое разочарование легко перекрывалось благодарностью за то, что никто не слетел с катушек, и теперь нужно всего лишь прибраться.

Жанетт уже хотела было попросить кого-нибудь из полицейских постарше позаботиться о девочке, как вдруг Шварц, к ее величайшему изумлению, опередил ее. Он присел перед малышкой на корточки и взял ее за руку.

Пульс у Жанетт ускорился до обычных пятидесяти пяти в минуту, а тем временем те, кто скрывался в доме, один за другим выходили на каменное крыльцо. Рикарда Стрида препроводили в полицейский фургон: до получения ордера на арест его следовало отделить от прочих. Жанетт собиралась допросить Стрида позже.

Теперь, когда людей в доме не осталось, Жанетт разглядела, что все здесь находится в разных стадиях запустения. Все, кроме девочки в желтой пижаме.

Шварц тихо заговорил с малышкой; Жанетт не слышала, о чем именно, но девочка вела себя спокойно. Жанетт с трудом проглотила комок в горле. “Йонни”, – подумала она. Тот убитый под мостом. Отец Клары. Шварц, конечно, молодец, но надо доставить сюда профессионала. Сама она в разговорах с детьми была полным профаном.

Жанетт сообщила пилоту, что его задание завершено; слушая затихающий стук лопастей, доносившийся с неба, она оглядела задержанных. С десятков людей сидели на сухой, пожухлой от солнца траве, а один из полицейских обходил их, спрашивая имена и фамилии. Те не протестовали, только что-то тихо бормотали в знак согласия. Иные были гораздо моложе Жанетт, хотя годы прошли по ним суровее. Семеро мужчин и три женщины. Сколько среди них граждан Швеции, еще предстоит выяснить, однако уже сейчас было ясно, что группа представляет собой коктейль из самых разных веществ. Это наркоманы, а не обычные сквоттеры и уж точно не рабочие-нелегалы.

Интересно, они платят аренду? Жанетт достала телефон и быстро погуглила “W&W Bygg”. Торговое предприятие, зарегистрированное в Салеме. Членов правления двое: Лейф и Маргарета Веттегрен.

– Здесь одиннадцать человек, одного не хватает, – заметил руководитель группы, походя к Жанетт. – Есть еще двенадцатый, он живет в старом трейлере у стены, под жестяной крышей.

– В трейлере?

Командир кивнул.

– Дверь заперта изнутри, нам никто не ответил. Пара моих ребят ждут отмашки, чтобы войти.

* * *

Небольшой трейлер семидесятых годов, скрытый высокими кустами, стоял под листом ржавой жести, прикрученным к фасаду дома. Жестяной лист, вероятно, защищал обитателя от дождя, потому что крыша трейлера была залатана досками и фанерой.

– Молодая девушка, ни на что не реагирует, – сообщил один из взломавших дверь полицейских. – Думаю, обезвоживание, – прибавил он, отмахиваясь от мухи.

Жанетт вошла в трейлер следом за двумя бойцами группы, бывшими еще и парамедиками: во время задержания они действовали как спецназовцы, а теперь выступали в другой роли. В полутьме в глубине трейлера лежала на койке спиной вверх женщина – совершенно голая, если не считать носков.

В трейлере было градусов на десять жарче, и парамедики первым делом отдернули шторы и открыли окно, чтобы впустить свет и свежий воздух.

Солнечный луч осветил тело на койке; под ребрами и лопатками легли тени. Койку покрывали темные пятна влаги – простыня словно впитала всю вытекшую из девушки жидкость.

– Пульс?

Оба парамедика склонились над девушкой. Жанетт отметила, что их голоса и движения стали мягче, не утратив при этом эффективности.

– Слабый пульс... Дышит?

– Еле-еле.

– Инъекция адреналина, – сдержанно скомандовал один из медиков. Он осторожно отвел черные волосы от лица девушки и большим и указательным пальцами открыл ей глаз.

Белок был мутно-желтого цвета.

Глава 5

Кварнхольмен

Время близилось к полуночи. Тускнеющий вечерний свет пыльными слоями разливался по столовой. Инспектор уголовной полиции Йимми Шварц и его непосредственный начальник, комиссар Жанетт Чильберг, сидели за столом напротив одного из жильцов, или как их там можно назвать. Задержанные утверждали, что ничего не видели и понятия не имеют, что произошло.

Но человек, сидевший перед Шварцем, похоже, был поразговорчивее остальных. Уроженец Стокгольма, тридцати девяти лет, старший из проживающих в доме. Звали его Йеппе; он был, по собственному признанию, бездомным и много лет сидел на метадоне, что отразилось на его внешности: Йеппе выглядел на пятьдесят пять и ни днем меньше.

Шварц никак не мог сосредоточиться. Мысли то и дело возвращались к Кларе – девочке, которая только что потеряла папу. В эту минуту служащая полиции, специалист-психолог, беседовала с девочкой в покосившемся домике на дереве. По словам женщины, девочке требовался покой – тогда она почувствует себя в безопасности.

“Глупость какая”, – подумал Шварц. Разговаривая с ним, Шварцем, девочка чувствовала себя вполне спокойно. Он нашел нужную тему для разговора – футбол; девочка сообщила, что ей нравится Роналдо. Шварц оспорил ее заявление, указав, что Мбаппе обошел Роналдо на полкорпуса и гораздо больше подходит на роль кумира; девочка улыбнулась и кивнула, соглашаясь с ним. И вот когда она спросила, что значит “обошел на полкорпуса”, а Шварц не знал, как ответить, ее и увели.

Девушку, обнаруженную в бессознательном состоянии, увезли в больницу. Если верить паспорту, найденному в сумочке, ее звали Беса Ундин. Недавно исполнилось восемнадцать, гражданка Швеции.

Жанетт посмотрела на Йеппе.

– Вы знаете Бесу?

– Ну, – ответил тот, – я бы так не сказал.

– Вам известно, как она познакомилась с убитым, Йонни Бундесоном?

Йеппе пожал плечами.

– Она здесь не жила, просто навещала в трейлер время от времени. Я слышал, она сбежала из какой-то клиники. Иногда сидела голая на пороге трейлера и курила. Его персональная шлюха.

Шварц отметил, что глаза у Жанетт мрачно блеснули.

– Итак, он платит ей за секс, – констатировала она, хотя это было излишне. – Наркотики?

– None of my business³.

Шварц и Жанетт уже знали, что на покойном Йонни Бундесоне пробы было негде ставить – из центра им прислали внушительное досье. Три года назад его арестовали за то, что он до смерти избил свою бывшую подружку, мать Клары, однако освободили из-за недостатка улик. “А теперь у Клары ни матери, ни отца”, – подумал Шварц.

– Йонни прожил здесь несколько месяцев, – говорил Йеппе. – Я знаю, что в мае ему исполнилось тридцать – в трейлере дым стоял коромыслом... Ну и, конечно, то, о чем писали в той старой газетенке.

– Какой газетенке?

---

³ Меня это не касается (англ.).

– Которая лежит у него в трейлере. Он тогда от гордости чуть не лопнул, всем эту статью показывал. А правду там написали или нет – кто же знает.

Жанетт кивнула Шварцу:

– Сходи поищи газету.

Шварц поднялся и вышел. Идти было всего за угол дома, но он все равно почувствовал себя мальчиком на побегушках. Зря Жанетт погнала его за газетой. Подождала бы немного – он сам бы сходил.

В трейлере работала команда в комбинезонах. Руководила криминалистами женщина, уже давно служившая в полиции. Шварц поздоровался с ней и спросил про газету.

– Вон она. – Руководительница указала на столик, где были сложены улики в пакетах. – Газета двухлетней давности, и, как обычно бывает со старыми газетами, на ней полно отпечатков, так что перчатки можете не надевать.

На обратном пути Шварц полистал газету; добравшись до каменного крыльца он сел и стал читать.

Статья, посвященная Йонни Бундесону, заняла целый разворот, но состояла в основном из фотографий, что для вечерней газеты не удивительно. На некоторых снимках Бундесон с несчастным видом сидел, держа на коленях годовалую тогда Клару. С шведским идентификационным номером девочки вышли какие-то сложности, потому что ее покойная мать была гражданкой Польши, и когда Йонни явился за помощью в социальную службу, оказалось, что девочку попросту не учили.

Помимо печальных семейных обстоятельств, речь в статье шла о тяжелых условиях содержания в шведских тюрьмах, которые даже послужили объектом критики Amnesty; также автор статьи выражал сочувствие Бундесону, парню, который свернул на кривую дорожку, но теперь встал на путь исправления. Он больше не употребляет наркотиков и нашел в себе силы порвать с уголовным прошлым. В статье ни слова не говорилось о том, что Шварц совсем недавно прочитал в досье. Йонни Бундесон и не думал завязывать ни с дурью, ни с бухлом. Но автор статьи разливался дальше, повествуя о страданиях человека, несправедливо обвиненного в убийстве матери своего ребенка. Ведь у Йонни имелось алиби. О том, что Бундесона и раньше наказывали за избиения подружек, а также о том, что в одном случае он был на волосок от тюрьмы, статья умалчивала.

Шварц сложил газету и вернулся к Жанетт, которая продолжала беседовать с Йеппе. Жанетт сидела, расслабленно откинувшись на спинку стула.

– Ладно. Я поняла, что здешние обитатели заключили негласный договор заниматься своими делами и не лезть в чужие. Но о самом этом месте вы рассказать можете? Мы все равно о нем рано или поздно узнаем, так что вы могли бы сэкономить нам время. Кто они – “W&W Bygg”?

– Понятия не имею, – ответил Йеппе. – Но эта тетка и ее мужик являются дважды в день. Утром, до семи, когда стройка еще не гремит, и в семь вечера, когда работа на стройке заканчивается. Их зовут Лейф и Магган.

Шварц сел и подтолкнул газету к Жанетт. Та нашла статью и стала читать.

– Значит, Лейф и Магган были здесь три часа назад? – Шварц повернулся к Йеппе, и тот кивнул.

– Вечером они просто проверяют, как тут что, а утром накладывают еду вон в ту кастрюлю. – Йеппе указал на плиту в маленькой кухоньке. – На следующий день, если мы не доели, они наваливают новую порцию на остатки вчерашней. Каждый раз одно и то же месиво. Иногда Магган приносит несколько яблок.

Шварц заглянул в эту кастрюлю, когда они только вошли в столовую. Бурое содержимое походило на массу, которую выгребаешь, когда чистишь сток в душевой, но пахло не так уж противно. Чем-то сладким и слегка острым. Еще в вареве угадывалась прорва чеснока.

– Она утверждает, что в этой каше – все необходимые питательные вещества, что она полезная, но это ерунда. Просто повод выжать из нас еще несколько монет. – Йеппе замолчал и почесал руку. – Хотя вообще-то она классная. Ей можно платить пустыми банками, а однажды она закрыла глаза на то, что мне не хватило заплатить за койку.

Жанетт с шуршанием перевернула газетный лист.

– А сколько вы платите за возможность жить здесь?

Йеппе тускло улыбнулся.

– Смотря какой номер снимаешь... Сейчас – сотню в сутки за нижнюю койку в сарае. Система “все включено”. Никто ни с кем не скандалит, район в центре, но в то же время уединенный. Приватности гораздо больше, чем в каком-нибудь хостеле, не говоря уж о ночлежке.

– Мы насчитали тридцать кроватей, – сказала Жанетт. – А вас всего тринадцать, включая Йонни. Где остальные?

– Понятия не имею. Кто-то возвращается вечером, кто-то вообще не возвращается.

Шварц подвел итог увиденному в доме. Шесть спальных мест наверху, шесть на первом этаже, да еще два в подвале, из которых одно – в котельной. Вместе с сараем, контейнером и трейлером всего выходило семнадцать спальных мест в гостинице, гаже которой и представить нельзя. “W&W Bygg” – креативные ребята, заняли нишу, в которой у них нет конкурентов. Отель класса “ноль звезд”, подумал Шварц и стал ждать следующего шага Жанетт.

– Ясно. – Жанетт отложила газету. – Сюда можно водить проституток, здесь можно употреблять наркотики и радоваться жизни. Пока не достроена высотка по соседству, вы никому не мешаете.

Шварц перевел взгляд с Жанетт на Йеппе, который продолжал улыбаться.

– Вот именно, – подтвердил тот. – Я-то не покупаю девчонок, на метадон у меня рецепт, ничего крепче пива не пью. Живу здесь, потому что ничего лучше для себя не нашел... Хотя после вашего появления придется искать другое место.

Жанетт вырвала из блокнота листок, что-то написала и протянула листок Йеппе.

– Позвоните по этому номеру, скажите, что вам его дала Чильберг из стокогальмского управления полиции. Думаю, у них найдется для вас угол.

Вид у Йеппе стал не столько благодарный, сколько удивленный. Он взял листок, поскреб заросший щетиной подбородок и тихо пробормотал “спасибо”.

– Вы хорошо знали Рикарда Стрида? – спросила Жанетт, внимательно глядя Йеппе через плечо.

Во время допросов она иногда прибегала к такой технике – по возможности не смотреть на сидящего напротив нее человека. Опытный лжец умеет манипулировать: улыбка, жесты, язык тела. Но как у слепых развивается острый слух, так и ты со временем учишься различать нюансы и оттенки голоса.

Жанетт в таких случаях предпочитала смотреть не в другую сторону, а в блокнот.

– Я вам этого не говорил, – сказал Йеппе, – но Рикард и Йонни приторговывают оружием, травой и героином.

Жанетт изучала его мимику. Морщинки у рта, иногда подмигивает одним глазом, а другим – нет, часто улыбается без причины. Все вместе могло указывать на человека, склонного к вранью, но в случае Йеппе речь с большой вероятностью могла идти о застарелом алкоголизме и наркозависимости, а в улыбке угадывалась изрядная доля страха перед полицейскими.

– Когда вы в последний раз видели Рикарда и Йонни? – спросила Жанетт.

– В столовой... Около семи.

– Около семи? То есть сегодня вечером?

– Ну. Они о чем-то трепались, курили, пили водку. Я зашел, чтобы налить воды в канистру, и когда уходил, они все еще сидели.

Жанетт случалось слышать о таких, с позволения сказать, гостиницах. Теневые заведения, они существовали в самых разных формах; согласно внутренней записке, которую Жанетт не так давно просматривала, в Стокгольме и окрестностях таких мест не меньше сотни, причем несколько – в центре города. Специалист из компьютерного отдела бился сейчас над тем, чтобы найти владельцев. Жанетт надеялась, что они еще не успели удалить записи с камер видеонаблюдения.

– Спасибо, Йеппе. Думаю, мы закончили. Вы ведь позвоните, если еще что-нибудь вспомните?

Йеппе снова улыбнулся.

– У них черный внедорожник.

– У кого?

– У Лейфа и Магган.

* * *

Когда зеленый участок, окружавший виллу, носил название Волшебного сада – культурного проекта, похороненного несколько лет назад, – здесь наверняка было устроено с десяток домиков на дереве.

Последний из них, наводящая уныние развалюха два на два метра, имела красные стены и белые углы, как положено порядочному шведскому дому. К входу в покосившуюся конструкцию вела шаткая лесенка, а в самом домике спала, обняв плюшевого медведя, девочка в желтой пижаме. Женщина, которая разговаривала с Кларой – так называемая помощь в проведении допроса, – стояла под деревом, и вид у нее был обеспокоенный.

– Нужен временный опекун, – заговорила она, увидев Жанетт. – Я уже позвонила в социальную службу. Ее заберут, но где Клара будет ночевать сегодня? – Женщина покачала головой. – Из нее слова не вытянешь, к тому же девочка избегает физических контактов, только за медведя и держится. У нее может быть травма, или легкая форма аутизма, или и то, и другое. Я, к сожалению, пока не знаю. Прямо сейчас моя рекомендация – пусть поспит.

Избегает физических контактов? Жанетт вспомнилось, как Шварц взял Клару за руку, и девочка, похоже, не имела ничего против.

Жанетт взглянула в сторону дома. Шварц разговаривал с техниками, и она узнала высокую фигуру их руководительницы. В пластиковых комбинезонах, наверное, страшно жарко. На улице все еще градусов двадцать, а то и двадцать пять.

Возле забора, у открытой двери, стоял полицейский фургон; за тонированными стеклами сидел Рикард Стрид – скорее всего, раздраженный тем, что за два часа ожидания с ним так и не поговорили. Жанетт на всякий случай попросила парней прибавить мощности кондиционера – установить температурный режим “исландское лето”. По ее предположениям, Стрид теперь перестал потеть, так что пусть еще подождет.

– Что сказали эксперты? – спросила Жанетт, когда Шварц подошел к ней.

– Причина смерти – выстрел в лицо. Есть следы борьбы, а вокруг тела отпечатки подошв на гравии. Три разных пары.

– Три? Не две?

– Три, из которых две – кроссовки, кто-то попал ногой в лужу крови. Третья пара – стертые конверсы Йонни.

Картина произошедшего начинала проясняться. Если раньше перед Жанетт были разбросаны пятьсот элементов головоломки, из которых следовало сложить голубое небо, а еще из пятисот перемешанных элементов предстояло сложить такое же голубое море, то теперь она нашла элементы, из которых выстроилась линия горизонта. Осталось рассортировать все остальное.

Жанетт взглянула на коллегу.

– Шварц... Ты, по-моему, поладил с девочкой. Разбуди ее, спроси, почему папа сегодня так спешил уйти.

– А это разумно? Вон стоит специалистка по детям, караулит ее.

– Спроси ее, зачем папа играл со своим пистолетом.

Шварц кивнул, но по нему было видно, что подчиняется он без особой охоты. Жанетт иногда казалось, что он протестует или ставит приказы под сомнение исключительно ради самого протеста, из чистого упрямства. А упрямцы живут в иллюзии, что они люди свободомыслящие, идут против течения, хотя на самом деле ими управляют мысли и чувства других: упрямец всегда хочет думать наперекор. Совсем как Шварц.

Жанетт вздохнула. Вот и она, раздражаясь на Шварца, ведет себя по-детски. И оба отвлекаются от дела.

Жанетт набрала номер специалиста из компьютерного отдела, надеясь услышать от него новости про “W&W Bygg”. Кроме тех, что она уже прочитала на главной странице фирмы.

– Привет, – отозвался эксперт. – Я как раз печатаю заключение. Подожди немного.

Слушая, как он стучит по клавишам, Жанетт поглядывала в сторону домика на дереве. Вызванная для помощи в проведении допроса женщина, скрестив руки на груди, стояла рядом со Шварцем, который заглядывал в дверь. Клара проснулась и теперь терла глаза, не выпуская медведя из рук.

– Есть номер почтового ящика, – заговорил специалист. – Но адрес фирмы в Салеме будет поинтереснее. Это одноэтажный дом, которым владеют все те же супруги Лейф и Маргарета Веттергрэн. – Он хохотнул. – А теперь держись... По этому адресу зарегистрированы еще четыре фирмы, с другими руководителями, а в базе данных транспортного управления – двадцать две легковые машины и шесть небольших грузовиков. И, что немаловажно, по тому же адресу проживают девяносто человек.

– Девяносто?

– Да, именно девяносто. Примерно по одному на каждый квадратный метр. И ничего необычного тут нет. Я бы сказал, девяносто – не рекорд.

Еще несколько элементов головоломки встали на место, но Жанетт подозревала, что произошедшее у моста Кварнхольм имеет мало отношения к супругам Веттергрэн. И все же надо съездить в Салем, нанести им визит. Жанетт сказала “спасибо” и закончила разговор.

Когда она подошла к дереву с домиком, девочка уже слезла и взяла Шварца за руку.

– Кларе просто нужно было поспать. – Шварц присел на корточки, повернулся к малышке и указал на Жанетт. – Это моя начальница. Ты мне сейчас кое-что рассказала. Можешь повторить, для Жанетт?

– Папа взял пистолет и побежал за дядей. – Клара покосилась на Шварца, и тот ободряюще кивнул.

– Дядя – это Рикард? – уточнила Жанетт. Девочка наморщила лоб:

– Нет, Рикард помогал папе, он тоже побежал за дядей.

– За каким дядей?

Клара замотала головой. Потом она просияла и спросила:

– А когда папа придет?

В голубых глазах засветилась надежда.

Глава 6

Салем

В первом часу ночи они подъехали к Норсборгу, что на пути в Салем. Их цель – вилла на окраине района частных домов – уже сорок пять минут находилась под наблюдением, но, по словам патрульных, они еще не видели ни одного из зарегистрированных здесь девяноста человек.

Шварц и Жанетт взяли с собой двух полицейских в штатском – Нильса Олунда и молодую женщину, недавно пришедшую в управление, – Оливию Йенсен. Остальные оказались заняты. Шварц работал с Олундом больше десяти лет; иногда они могли выпить по пиву и потрепаться еще о чем-нибудь, кроме службы. Олунд был человеком надежным и очень приятным, может, даже слишком приятным, что вряд ли шло ему на пользу. Оливию Шварц знал не так хорошо – знал только, что она красива и язвительна в равной мере. И Оливия, и Олунд вымотались после долгого дежурства, Оливия зевала за рулем, а Олунд сидел рядом с ней, уставившись перед собой пустым взглядом.

Шварц и Жанетт сидели сзади, каждый со своим планшетом на коленях. Пока Жанетт, уже второй раз за последние несколько часов, пыталась получить ордер на обыск, Шварц решил убить полчаса в машине, расшифровывая допрос Рикарда Стрида. Он сам признавал, что в составлении протоколов не силен.

Шварц в третий или четвертый раз запустил запись. Наушники с шумоподавлением ликвидировали все посторонние звуки, отчего собственные мысли становились слышнее.

Голос Жанетт звучал глуше, чем в реальности.

“Допрос Рикарда Стрида, 910825-0674. Допрос проводит Жанетт Чильберг, комиссар уголовной полиции. Ассистент: инспектор Йимми Шварц”.

Когда они проезжали Носборг, Шварц бросил взгляд на высотки, выстроившиеся вдоль дороги, – штампованные бетонные коробки. Не верилось, что помпезный густавианский замок Стурехувс не так уж далеко отсюда. Несколько лет назад Шварц был там на ужине по случаю дня рождения, устроенном в духе восемнадцатого века.

“Рикард... Расскажите, пожалуйста, что произошло после того, как вы с Йонни пили водку в столовой”.

Ну и жратва там была, вспомнил Шварц. Фазан, французские соусы, суфле из чернослива.

“Я вышел отлить, а когда вернулся, его уже не было, и я тоже ушел. Увидел, как он гонится за каким-то парнем, и побежал за ними к парковке... Потом они скрылись под мостом, а еще потом раздался выстрел. Я побежал туда, увидел Йонни. У него все лицо было разворочено, а тот, другой парень, куда-то свалил. Поэтому я просто подобрал пистолет Йонни и побежал.”

Вы видели мужчину, которого преследовал Йонни?

Высокий и худой.

Возраст? Внешность?

Не знаю... Кепка у него была. Может, борода. Да, была борода.

Какого цвета?

Темно-русая, вроде того.

Возраст?

Говорю же – не знаю.

Можете описать в общих чертах?

Ну да... Где-то от тридцати до шестидесяти”.

Шварц отметил, что Стрид пребывал в паршивом настроении – наверное, из-за адского холода в фургоне. Стрид то и дело шмыгал носом, и было слышно, как он хлопает себя по бокам, чтобы согреться.

“Высокий худощавый мужчина, возраст – между тридцатью и шестьюдесятью, темно-русая борода. Правильно?”

Да, где-то так. И кепка еще.

Опишите кепку.

Просто кепка. Какая-то темная.

А другая одежда?

Не могу сказать... Короткие штаны, кофта... Нет, не могу точно сказать. Во всяком случае, что-то темное.

Итак, Рикард, Йонни Бундесона застрелили не вы?

Вот уж нет”.

Шварц нажал на паузу и исправил грубую ошибку: вместо “Йонни” он случайно написал “Рикард”. Шварц вздохнул и снова запустил запись.

“Какие наркотики вы продаете? Героин, амфе-тамин, траву, таблетки? Вам случается ссориться из-за денег?”

Я не буду отвечать на этот вопрос”.

Шварц отметил в записи, что молчание длилось десять секунд. Потом Жанетт задала очередной вопрос.

“Вы не знаете, кем мог быть этот парень с бородой и в кепке?”

Понятия не имею.

Клиент?

Нет... Или, я... Может, Йонни и был дилером, а я – нет”.

Йонни больше не дилер, подумал Шварц. Трудно что-то продавать, когда тебе полголовы снесли.

Инспектор уголовной полиции Йимми Шварц снял наушники, и внешний мир вернулся к нему глухим шумом шоссе.

* * *

Жанетт Чильберг смотрела в окно. За слоем серой пыли и трещиной, оставленной камнем, плыло небо, на котором не было и следа светового загрязнения, как бывает над районами высотных домов. Здесь небо было усеяно звездами, и белый свет делал рельефными луга, озера и перелески. В тонкой полоске над чернотой пейзажа висела холодная луна.

За окном потянулись окраины Салема; машина катила вдоль выстроившихся рядами, похожих на коробки построек. Колесо попало в выбоину на асфальте, и машину тряхнуло, отчего стало ясно: они въехали в другой мир. В мир, где не принято растрачивать деньги налогоплательщиков на общегородские нужды.

Проехали мимо спортплощадки с ржавыми футбольными воротами без сетки; уличный фонарь освещал стену стоявшего рядом таунхауса. Кто-то написал на ней “Ненавидим всех”.

Без восклицательного знака, подумала Жанетт. Короткой летней ночи не хватает на крик о помощи, она может вместить лишь усталую констатацию факта.

Ненавидим всех.

Молчание нарушил Шварц.

– Черт, ну и депресняк тут.

И это тоже констатация, к которой нечего прибавить. Машина повернула к Салему; Шварц продолжил светский разговор:

– Кажется, отсюда до города далеко... Сколько? До Стокгольма – километров двадцать пять?

– Двадцать восемь километров, – уточнила Оливия, поворачивая на перекрестке налево.

– И еще тысяча – в уме, – проворчал Шварц. – Наверное, отсюда до Стокгольма кажется дальше, чем от Кируны.

Дорога сделала крюк, по одной стороне тянулся лес, по другой – одинаковые виллы из красного кирпича, выстроенные в семидесятые годы. Потом строения стали реже, а деревья – чаще.

– Вон там. – Олунд указал на уличный фонарь на разворотном кругу.

В конце улицы, перед маленькой виллой, стоял черный внедорожник, посеревший от летней пыли; левее разворотного круга угадывались гаражи и очертания нескольких автомобилей. Машина полицейских въехала на парковку, и белый свет фар мазнул по кустам отцветшей сирени на обочине.

Возле дома стоял еще один внедорожник, такой же, как первый, только этот блестел в свете фонаря свежей лакировкой. Лейф и Магган Веттергрэн, подумала Жанетт.

Две машины класса “люкс” стоят рядом, в краях, откуда до люксовых вещей тысячи миль.

* * *

– Значит, вы не знали, что дочь Йонни Бундесона Клара живет в трейлере?

Маргарета Веттергрэн сидела за кухонным столом напротив Жанетт, сложив на груди пухлые пальцы.

– Нет, не знала, – с невинным видом ответила она. – Трейлер не место для ребенка... Это просто кошмар, что сегодня произошло!

Румяная, с гладкой кожей женщина в белокурых локонах, сидевшая напротив, казалась Жанетт каким-то херувимом, мальчуганом пятидесяти пяти лет. Зато Лейф Веттергрэн походил на гранитное изваяние. Серым его лицо казалось не только из-за щетины и цвета кожи; само выражение было пустым. Лейф сидел рядом с женой. Их несходство, и не только внешнее, бросалось в глаза. Говорила Магган. Лейф же, как положено скале, хранил молчание.

Кухня, да и весь дом, произвели на Жанетт тяжелое впечатление. Затхлая отрыжка восьмидесятых отдавала красным вином, сигаретным дымом и слишком крепкими духами. Кухня как две капли воды походила на бесчисленные кухни из юности Жанетт, если не считать того, что у Веттергрэнов имелись эспрессо-машина и ярко-красный холодильник, наводивший на мысли о спортивном автомобиле.

Жанетт поерзала, и неудобный стул с реечной спинкой скрипнул.

– Нам надо взглянуть на записи с ваших видеокамер. Вы не могли бы посодействовать?

Маргарета Веттергрэн улыбнулась.

– Обязательно! Только сначала я хочу убедиться, что вы понимаете: владелец участка дал нам разрешение сдавать в аренду спальные места. – И женщина принялась перебирать бумаги, разложенные на кухонном столе. Перед ней лежали конверты с прозрачными окошками, в которых читались имена, в основном не шведские, пластиковые папки со счетами, конверты с отметками авиапочты. Похоже, эти так называемые владельцы отеля собрались привести документацию в порядок.

– Покажите нам сегодняшние записи. – Жанетт положила руку на пухлые пальцы женщины. – Нам этого будет достаточно.

– Сколько вы зарабатываете на том, что разбираете всю эту почту? – поинтересовался Шварц.

Маргарета Веттергрэн слабо улыбнулась полицейским; поднимаясь из-за стола, Жанетт произвела в уме быстрые подсчеты. Сколько они могут брать за месяц? Пятисотку наверняка, а то и тысячу. Если умножить на девяносто, выходит от сорока пяти до девяноста тысяч в месяц.

Они вышли из кухни; перед Жанетт маячила широкая спина Лейфа. Ему лет шестьдесят, но с такими молчунами шутки плохи, они часто оказываются непредсказуемыми. Жанетт заметила, что Шварц с Олундом держатся настороженно.

Все вместе они вошли в маленький, скудно обставленный кабинет в конце прихожей. Письменный стол, ноутбук и принтер – вот и все, если не считать пепельницы и мусорной корзины. Здесь не было даже компьютерного кресла.

– Сколько у вас сейчас арендаторов? – продолжил Шварц. Жанетт взглянула на него, словно говоря: будет лучше, если вопросы и дальше буду задавать я.

– Вы же знаете, как плохо в Стокгольме с жильем. – Магган открыла ноутбук. – Дешевых вариантов больше нет. И тут – вот они мы.

– Протягиваете руку помощи? – предположила Жанетт. – Как добрые самаритяне?

– Именно так, – подтвердила Маргарета Веттергрэн. Иронию она не уловила.

– И зарабатываете на этом общим счетом сотню тысяч в месяц?

В ответ Магган вздохнула и заметила:

– Все не так просто, как вам, наверное, кажется.

Лейф привалился к стене.

На экране возникло изображение забора на Кварнхольмене. Съемка велась сверху и сбоку, и калитка была видна с обеих сторон. Еще одна камера находилась на участке. В ночной темноте просматривались сарай и контейнер.

– Это все? – просила Жанетт. – Я насчитала три камеры.

– Работают только две, вот трансляция с них.

Жанетт склонилась к экрану.

– Вы не могли бы показать нам запись за сегодняшний вечер? С семи часов и... да, и дальше.

Магган защелкала клавишами, и на экране появилось новое изображение: тот же забор, тот же участок, но залитые солнечным светом, можно было даже рассмотреть домик на дереве, в котором обитала Клара. Людей видно не было.

– Можно промотать, – сказала Жанетт.

Листья на дереве затрепетали в пять раз быстрее обычного. Жанетт положила руку Магган на плечо.

– Спасибо, что идете нам навстречу. Мы вам очень признательны.

Мгновение спустя в кадре возникла Клара с медведем в обнимку; на ускоренной записи она, качаясь, как неваляшка, сделала несколько дерганных шагов по траве, нагнулась и подняла что-то с земли – может быть, камень, который ей приглянулся, и ушла из кадра. “Бедняга”, – подумала Жанетт.

– Итак, вы сдаете жилье всем подряд, – продолжила она и убрала руку с плеча Магган. – Лишь бы вам платили?

Женщина снова вздохнула.

– Да, так поступают в большинстве отелей. Но я, конечно, сначала навожу справки о жильцах. Я хорошо разбираюсь в людях.

На экране ничего не происходило. Таймер продолжал отсчитывать пятисекундные интервалы еще несколько минут, и Жанетт поняла, что вопросов у нее больше нет.

Но вот на краю картинки возникло движение. Какой-то мужчина подошел к забору, остановился у двери и стал нажимать кнопки кодового замка.

– Вы знаете, кто это? – спросила Жанетт.

Таймер на записи показывал девятнадцать ноль пять.

– Это Владимир, – произнес Лейф Веттергрэн.

Глава 7

Квартал Крунуберг

Утреннее солнце насквозь просвечивало стоявший рядом с компьютером стакан воды, и переливчатый круг падал на лист бумаги из тех, что были разложены на столе у Жанетт. Документ представлял собой распечатку заявления трехмесячной давности, в котором сообщалось о пропаже девушки. Беса Ундин, обнаруженная в трейлере Йонни Бундесона, исчезла из интерната в Скутшере в начале марта.

Жанетт знала имя заявителя. Психологу Луве Мартинсону уже не раз случалось работать с полицейскими из Оперативного управления; еще он участвовал в расследовании двух убийств в качестве квалифицированного свидетеля, но Жанетт так и не познакомилась с ним лично. Она набрала номер интерната и коротко изложила, что произошло на Кварнхольмене. Мартинсон вздохнул.

– Что с Бесой? – В мягком голосе было что-то женственное.

– К сожалению, она пострадала от передозировки, к тому же у нее серьезное заражение крови. Она сейчас в больнице Худдинге.

– Она выживет?

Жанетт прикинула, как лучше ответить. Когда она звонила в больницу в последний раз, ей сообщили о септическом шоке. Врач сказал, что Бесе повезло: ей оказали помощь в так называемый “золотой час” – первые шестьдесят минут после того, как инфекция начала распространяться. Шансы девушки выжить возросли с нуля до семидесяти пяти процентов только благодаря двум парамедикам из оперативной бригады.

– Врач настроен оптимистично, – подытожила Жанетт. Луве Мартинсон снова вздохнул, на этот раз – с облегчением.

– Это все-таки хорошая новость. По крайней мере, она останется жива... Я передам девочкам, они обрадуются. Бесу здесь любят.

– Вам что-нибудь известно о ее знакомых? – спросила Жанетт. Луве поколебался, прежде чем ответить:

– Во время терапии она категорически отказывалась упоминать чьи-либо имена. Но в ее жизни было изрядно наркотиков, проституции и прочей уголовщины.

– Вы не помните, она не говорила про такого – Йонни Бундесона?

– К сожалению, нет.

Жанетт продиктовала ему номер отделения, где лежала Беса Ундин, после чего Луве сообщил ей, что надумал уволиться из интерната.

– Начну собственную практику. И, наверное, еще поучаствую в расследованиях.

– Тогда у нас есть шанс познакомиться лично.

На том конце какое-то время царило молчание. Потом Луве сказал: “Не исключено” и рассмеялся.

Закончив разговор, Жанетт вернулась к стопке документов на столе. Среди копий документов, имеющих отношение к предприятию Веттергренов (этим документам с большой вероятностью предстояло окончить свой путь в Управлении по борьбе с экономическими преступлениями), нашелся список лиц, недавно плативших за койку на вилле, принадлежавшей правлению. Восемь шведских имен и двадцать два не шведских, причем большинство могли принадлежать выходцам из бывших советских республик.

“Владимир”, прочитала Жанетт. Фамилии не было.

“Наличные. Предоплата. Верхнее место, комната № 3. 1050 крон”.

Если верить гроссбуху Маргареты Веттергрэн, Владимир уплатил за недельное проживание. Магган, которая хвасталась своим знанием людей, упомянула, что Владимир выглядел спокойным и здравомыслящим человеком, но она подозревает, что он объявлен в розыск и ищет, где отсидеться. “Как вы думаете, он русский?” – спросила тогда Жанетт. Да, Магган так полагает, но упомянутый Владимир говорит по-шведски вполне чисто. Он посмотрел комнату, заплатил и ушел. Вот и все. Как водится, именно в этом случае камера видеонаблюдения вышла из строя.

Свидетель Рикард Стрид провел ночь под стражей; Жанетт предъявила ему скриншот с изображением Владимира. Стрид не сомневался, что именно этот человек застрелил Йонни Бундесона. И, судя по всему, застрелил из пистолета самого же Йонни; последнее обстоятельство указывало на то, что речь не шла о тщательно спланированном убийстве.

Двое знакомых поссорились из-за наркотиков или денег, и ссора закончилась убийством? “Вряд ли”, – подумала Жанетт. Нет, причина была другой.

Возможно, Беса Ундин что-то знает, но, учитывая ее состояние, говорить о допросе пока рано.

Жанетт достала папку с протоколом допроса Рикарда Стрида – протоколом, который Шварц расшифровал, пока они ехали в Салем. Едва начав читать, Жанетт вспомнила, что Шварц скорее работяга, чем офисный сиделец, и взялась за ручку, чтобы исправить ошибки – и орфографические, и в оформлении, – которых оказалось порядочно. Через некоторое время она отложила ручку и внимательнее всмотрелась в одно из изображений с камеры видеонаблюдения. В кадр, на котором Владимир оглядывался, прежде чем открыть дверь в заборе.

Жанетт была согласна со Стридом: возраст этого человека действительно трудно поддавался определению. И все же она бы сузила рамки лет до сорока-пятидесяти. Глаза на снимке смотрелись просто двумя темными точками, однако были выразительными. Жанетт увидела в них напряжение, но не обычное напряжение наркомана.

Может быть, этот человек чем-то напуган? Но русские славятся тем, что они не из пугливых – во всяком случае, те из них, кто по той или иной причине оказался в Швеции.

Глава 8

Скутшер

Ровно год назад, в одну из долгих белых ночей в начале июня, психолог Луве Мартинсон принял решение уволиться. Нет, он не считал, что его работа завершена, в таких местах работа никогда не кончается, и уходил он точно не потому, что не прижился. Решение уволиться было продиктовано эгоизмом: Луве хотелось посвящать больше времени собственному развитию, а для этого требовалось побольше свободы и возможность распоряжаться рабочим временем.

От мысли уволиться до ее воплощения прошел ровно год. И вот Луве стоял на пороге кабинета, который семь лет служил ему рабочим местом, и готовился в последний раз закрыть за собой дверь. Этот печальный момент все-таки сулил освобождение; может быть, поэтому Луве и пытался продлить его, желая пережить еще какие-нибудь противоречивые чувства. Грусть и облегчение, ностальгию и пустоту.

Кабинет выглядел так же, как в первый день работы: пустынным и в то же время вызывающим клаустрофобию.

Какой-нибудь циник стал бы утверждать, что за семь лет здесь ничего не произошло.

Девочки в возрасте от четырнадцати до семнадцати, прибывавшие в этот интернат, страдали одним и тем же: они столкнулись с сексуальным насилием в том или ином виде, и когда их выписывали – если не излечившихся, то сделавших хоть пару шагов в нужном направлении, – то их место просто занимали другие, такие же израненные, подвергшиеся растлению, погубленные, опасные для себя самих и склонные к самоубийству.

Дверь кабинета – дверь со стеклянным окошком – не раз и не два в гневе захлопывали, окошко осыпалось дождем осколков под чьим-нибудь обуюнным отчаянием лбом или запальчивым кулаком. Хаос здесь длился годами, и все попытки руководства лишить интернат его прозвища – “Ведьмин котел” – оканчивались ничем. Прозвище въелось накрепко, стало водяным знаком. И Луве оно нравилось.

Интернат и был ведьминым котлом. Прозвище честное и слегка бунтарское.

“Вот она я, ведьма!”

Девочкам оно нравилось.

Луве помнил их всех до единой. Сорок две насельницы интерната, побывавшие в нем за семь лет.

Он в последний раз оглядел кабинет. Те же икеевские стеллажи, те же стол и стулья, тот же светло-коричневый линолеум, окошко, за которым виднелись голые сосновые стволы, а по ту сторону леса раскинулась, будто вонючий великан, целлюлозно-бумажная фабрика.

Фабрикой было пропитано все пространство. Она была сердцем этих мест, их кровью и легкими. Независимо от того, ненавидели ее те, кто жил и работал в Скутшере, или нет, все они так или иначе зависели от нее. Без фабрики не было бы ни населения, ни работы, ни пиццерий или киосков, где торгуют сосисками, не было бы интерната для девочек, переживших сексуальное насилие. Лишь тучи комаров в прекрасном, в сущности, месте, где Дальэльвен впадает в бухту Евле.

Наконец Луве закрыл дверь и отклеил покрытую пятнами табличку с надписью “Луве Мартинсон, заведующий”. Табличку он смял и бросил в корзину для мусора, стоявшую в коридоре.

Новое руководство обещало навести порядок и внедрить эмпирически подтвержденные методы когнитивно-поведенческой терапии. Под “навести порядок” явно подразумевались новая медная табличка и новая мебель для кабинета, а “заведующий” следовало заменить на “менеджер проекта”.

Вчера в интернате имело место нечто вроде официальных проводов с участием руководства, неизбежным букетом и прощальным подарком в виде подсвечника из какого-то местного арт-магазинчика. Девчонки издевались за время церемонии, которая, кроме прочего, включала в себя напыщенную речь директрисы, женщины, которая в другое время носа не казалась в “Ведьмин котел”. Когда Луве сказал ей, что Бесу Ундин нашли и она в больнице в Худдинге, директриса отозвалась на новость холодной улыбкой. С таким же успехом она могла бы ответить: “Бесе уже исполнилось восемнадцать, так что мы за нее больше не отвечаем”.

Вот и все.

Луве уже попрощался с девочками, которые занимались чем-то на улице под руководством двух терапевтов. Самое время уйти, избежав прочувствованных прощальных слов.

За дверями интерната его встретило синее небо и юго-восточный ветер; фабрикой несло меньше, чем обычно. Солнечный свет казался неестественно ярким, у Луве заслезились глаза, и он, идя к машине на парковке, вытер щеки рукавом пиджака.

Увидев свою машину, Луве остановился.

Маленькая “школа” была по самую крышу набита красными шариками-сердечками, а вдоль всего борта тянулась широкая лента, на которой черной краской из баллончика было начертано:

“НАША ЖАЖДА УТЕШЕНИЯ НЕУТОЛИМА”⁴.

* * *

Через полчаса Луве, в компании шести девочек и двух терапевтов, уже сидел на площадке для гриля в рощице, расположенной неподалеку от парковки. Идея устроить этот импровизированный праздник принадлежала девочкам, и Луве понимал, что они решили подключить к делу его машину не случайно.

Когда он начинал свои челночные рейсы Упсала-Скутшер, которым суждено было продлиться семь лет, рассказ “Убить ребенка” был единственным, что он прочитал у Стига Дагермана. Страшный рассказ о человеке, который во время самой обычной поездки на автомобиле насмерть сбивает малыша. Писатель был родом из Эльвкарлебю – района, мимо которого Луве проезжал каждый день по дороге на работу и с работы. Бессмысленно, конечно, каждый раз, проезжая по этой дороге, высматривать ребенка, и все же Луве всякий раз, приближаясь к описанному у Дагермана месту, сбрасывал скорость.

Со временем Луве проштудировал все, что написал Дагерман, и периодически ссылаясь на него во время сессий. На растяжке, протянутой по борту его машины, девочки написали цитату, которую Луве не раз приводил на сессиях и которая наверняка врезалась им в память: “Наша жажда утешения неутолима”.

У них было много общего со Стигом Дагерманом: хроническая депрессия, неоднократные попытки покончить с собой – и часто тексты, в которых говорилось о насилии. К тому же все они были так или иначе связаны с этим местом, и Луве интуитивно ощущал, что это неспроста. Девочки исцелялись там, где прошло детство писателя, в единственном месте, где он, по его собственному признанию, бывал по-настоящему счастлив.

Здесь те же луга и леса, та же река с шумом стремится к Балтийскому морю.

И запах с фабрики тот же, подумал Луве, глядя сквозь дым на девочек. Солнце, обещавшее еще одно жаркое лето, освещало шесть лиц.

Девочки решили устроить неофициальные провода, все скинулись на маленький праздник, и на площадке для пикников сейчас лежали завернутые в фольгу разнообразные сосиски,

---

⁴ Стиг Дагерман “Наша жажда утешения неутолима” (пер. Наталии Пресс).

картофельный салат, овощи, сыр халуми, чипсы и как минимум две двухлитровые бутылки с газировкой.

– Лиззи, чтоб тебя, аккуратнее с огнем, сосиски спалишь!

– Они останутся сырыми внутри, а снаружи обуглятся. Ты что, не знаешь?

– Ну и что? Наплевать мне, пусть будут сырые. Я так есть хочу, что сырой член готова сожрать.

За всеобщим хохотом одна из коллег Луве – без особого успеха – попыталась призвать девочку следить за речью.

– Проклятый сэдэвэгэ...

– Осторожнее, Лиззи, ты же капаешь жиром на мой сверток!

– А что плохого в жире? Вот смотри...

Лиззи сдавила живот, сделав ему “щеки”, и заговорила нарочитым басом, изображая речь пупка:

– Привет! Глядите, какие у меня толстые щеки! А все потому, что Лиззи откармливает меня сосисками и чипсами.

Снова раздался общий хохот; теперь к девочкам присоединились и оба терапевта.

“Черт, – подумал Луве. – Не хватало еще, чтобы я передумал и остался”.

Всего два месяца назад Лиззи пыталась повеситься на дереве. Луве по какой-то причине приехал на работу на полчаса раньше и заметил среди стволов красный свитер. Ему удалось вынуть девочку из петли, и она отделалась хлыстовой травмой. Лиззи потом говорила, что Луве, на ее счастье, успел вовремя, потому что она передумала вешаться, едва почувствовав, как веревка впивается в горло. К счастью, девочки часто передумывали.

Луве знал, что Лиззи известно, что написано на надгробье Дагермана, похороненного возле церкви в Эльвкарлебю.

“Смерть – это как путешествие. С ветки на твердую землю”⁵.

До того как Лиззи предприняла попытку повеситься, Луве толковал эти слова как полные надежды: за пределами нашего мира есть другой мир, где ничто не подлежит сомнению, в отличие от нашего земного существования, подобного хрупкой ветке, которую может сломать порыв ветра.

“Мы, живущие, – думал он, – всего лишь мертвецы в отпуске”.

– Луве, смотри, что мы нашли у тебя в машине...

Широко улыбаясь, Лиззи продемонстрировала маленький пластиковый пузырек.

– Тестогель, – объявила она и, воздев палец, стала читать: – Применяется при недостаточной выработке тестостерона. Люди с пониженным тестостероном могут легко раздражаться, быстро уставать и пребывать в угнетенном состоянии духа. – Лиззи рассмеялась. – Луве, это ты из-за нас легко раздражаешься, быстро устаешь и пребываешь в угнетенном состоянии духа? Да так, что у тебя не стоит? Потому что мы – трудные девицы с СДВГ?

Луве усмехнулся.

– Дай-ка.

Лиззи отдала пузырек. Луве повертел его в руках, размышляя, нужно ли рассказывать девочкам свою историю.

Нет, решил он. Рассказывать о таких вещах в последний день было бы странно.

– Кстати, видел свою пациентку по телевизору? – спросила Лиззи. – Которая жила в интернате лет сто назад? Они с каким-то знаменитым писателем перетирали про смерть...

– Нет, не видел.

– Она вроде и про тебя говорила. Ты бы посмотрел эту передачу.

---

⁵ Стиг Дагерман “Осень”.

Пер Квидинг **“Жизнь и смерть Стины”** **(отрывок)**

ЛЕТО 1869 ГОДА

Стина шла по дороге южнее Эдмордена, что на севере Естрикланда; навстречу ей тянулись горестные тени людей – все они покидали город, в который она направлялась. Самые разные люди, богатые, бедные, многие – в ожогах, они тащили свои пожитки, мешки и кастрюли в скрипучих тележках или на собственных спинах. Они не жаловались, но молчание, царившее среди этих людей с пустыми, красными от слез глазами, было красноречивее слов.

Уже в городе Стина поняла, почему жители покидают его. В воздухе сухого, почти безветренного летнего дня, стоял едкий запах дыма; там, где кончился хвойный лес, начиналось открытое пространство, за которым виднелся другой лес. Отмеченный печатью разрушения лес из голых, закопченных печных труб. Стине пришло на ум описание морского сражения из “Дон Кихота”: корабельные мачты виднеются в пороховом дыму или до половины уходят в воду, черную, как эта покрытая золой земля. Позже Стина узнает, что причиной опустошения стал столяр, варивший клей без должной осторожности.

Стина смотрела на то, что осталось от гарнизонного городка Ефле – городка, где она родилась, где росли ее родители и где они вступили в брак.

Проходя по одной из мощеных улиц, Стина видела нарядные зеленые деревца, пережившие пожар. Сохранились и уличные фонари, они ведь чугунные, только стекло лопнуло от жара. Народу вокруг было не много; Стине встретились два-три человека, бесцельно, на первый взгляд, бродившие по улицам. На месте того, что совсем недавно было домом, одиноко торчала печная труба – она еще дымилась; по пожарищу крадучись ходила, пригнувшись к обломкам, лиса. Слышались птичьи песни, воздух полнился бабочками и насекомыми, а на черном фоне видны были яркие брызги: желтые, белые и голубые цветы уже успели прорасти там, где совсем недавно лежали половицы.

Стина поразились тому, сколь мало заботит природу человек и его горести; в эту минуту она кое-что поняла. Мысль была давней, но до сего дня Стина не могла подобрать для нее слов.

Время устроено не так, как представляется человеку. У него нет начала; ни прошлого, ни настоящего, ни будущего не существует. Существо, задумавшее наблюдать за временем извне, стало бы свидетелем множества событий, происходящих одновременно. Для жителя земли все, чему еще суждено случиться, уже произошло; никто не замечает, что нет никакой осмысленной взаимосвязи между событиями. Стина уже побывала во всех тех местах, куда держала путь, она уже нашла Акселя – или не нашла.

Там и тогда, где и когда она сейчас находилась – на улице сгоревшего городка, одиннадцатого июля тысяча восемьсот шестьдесят девятого года – уже росли и еще вырастут леса и луга. Пустыни, горы, морские ложа появятся и сгинут, как появлялись и исчезали другие города, жители которых говорили на других языках и подчинялись законам иного времяисчисления.

Бессчетное число раз мир тонул в кипящей лаве, и земля разверзалась, чтобы поглотить его. Но большую часть времен мир оставался безвоздушной ледяной пустотой, которая простиралась, куда хватало воображения: некое ничто в вечности.

Стине вдруг показалось, что она совсем одна в замкнутом пространстве; от этого чувства стало трудно дышать. Она остановилась и оперлась о фонарный столб.

– Мы всего лишь призраки, – проговорила она. – Как вы не понимаете?

Никто ее не услышал, кроме дрозда; птица торопливо скосила глаз, а потом снова принялась добывать червяков из зазоров между булыжниками мостовой. Но скоро ее, Стину, услышат все. Она возложит руку людям на головы, она донесет до них весть о том, другом мире. Мире, в котором красоты и любви больше, чем в этом саване.

После Ефле была Упсала, где жил епископ, а потом – Стокгольм, самый большой город страны, ее столица, где жил король. Если Карл XV выслушает Стину, то вскоре и другие станут слушать ее слова.

И ни одному человеку больше не придется жить, страшась смерти.

Глава 9

Васастан

Термометр на приборной доске машины показывал двадцать пять градусов, и патрульный Нильс Олунд уже предвкушал, как приедет домой и будет пить пиво на балконе.

Они свернули на Торсгатан и поехали назад, к Кунгсхольмену. Оливия Йенсен вела машину, а Олунд, сидя рядом с ней, приводил в порядок отчет по итогам утреннего вызова.

– День начался не сказать чтобы бодро, – заметила Оливия. Олунд пожал плечами:

– По-моему, ложная тревога все же лучше, чем труп.

Служба экстренного вызова приняла сообщение о том, что в Хагапаркене, возле Медного шатра, возможно, произошло убийство, но, когда Олунд с Оливией и спасателями прибыли на место, жертвы они не обнаружили. Зато там оказался человек, позвонивший в SOS Alarm; он утверждал, что застрелил какого-то незнакомца и спрятал труп за Медным шатром. Полицейские не обнаружили ни трупа, ни орудия убийства. Перед ними был только парень с браслетом психиатрического отделения. Олунду стало его жалко. Парень вбил себе в голову, что убил другого человека. Почему?

– Может, он просто хотел, чтобы его отвезли обратно в больницу, – сказала Оливия, словно прочитав его мысли.

– Может быть.

Хроническое чувство вины, подумал Олунд.

На Санкт-Эриксгатан поток машин стал плотнее. Олунд покосился на Оливию. Под тридцать, служить начала после Нового года. Амбициозная, резковатая, отлично соображает. И красивая. Немного по-мужски, угловато худая, с резко очерченным подбородком и широкими плечами. Резкость Оливии была немного напускной, но Олунду она не мешала. Оливия новичок на службе и просто не до конца уверена в себе. Главное – человек она симпатичный, по-настоящему симпатичный.

Тот факт, что Олунд, прослужив тринадцать лет в стокгольмской полиции, все еще ходил в патрульных, сильно забавлял иные юные дарования. Но Оливия, человек умный, понимала, что суть полицейской службы, вне зависимости от чинов, одна: служить людям и по возможности защищать их.

Задача не из легких.

Оливия сбросила скорость и указала на Санкт-Эриксплан.

– Гляди... Сегодня что, в психушке день открытых дверей?

На дороге, перекрывая встречную полосу – что, разумеется, бесило автомобилистов, – стояла девушка в рваной стеганой куртке, наброшенной то ли на грязное платье, то ли на ночную рубашу. Водителей абсолютно не заботило, что девушка плачет. Как только она отошла на обочину и побрела в сторону Уденплан, хор раздраженных гудков сделался тише.

– Поедем за ней? – спросила Оливия.

Девушка – или девочка – бросала из-под нечесаных светлых волос растерянные взгляды. Она как будто понятия не имела, где оказалась.

Машина с полицейскими медленно покатила за ней, свернула за угол, на Санкт-Эриксплан, и поехала дальше, на восток Уденгатан.

Тощая фигура в удивительном наряде остановилась возле лотков с фруктами, выставленных возле магазинчика на той стороне улицы. Девушка больше не плакала. Она взяла с лотка яблоко и внимательно осмотрела его. Потом откусила раз, другой и, не смущаясь, сунула яблоко себе в карман.

Изучив другой лоток, она выбрала лимон. Понюхала. Сунула в рот, откусила, скривилась, осмотрела шкурку.

– Наркоманка, – предположила Оливия.

– Да, похоже.

Девушка тем временем достала из кармана что-то, похожее на кожаный чехол. Оливия медленно подвела машину поближе.

– Нож, – констатировала она. Олунд кивнул.

Девушка привычной рукой вытащила нож из ножен, разрежала лимон посередине, откусила от одной половинки и тут же выплюнула.

– Так, – решила Оливия. – Пойдем-ка поговорим с ней.

Олунд уже хотел было согласиться, как вдруг в дверях магазинчика показался какой-то мужчина. Олунд не слышал его слов, но мужчина явно был сильно рассержен.

Оливия быстро огляделась по сторонам, свернула на другую полосу, по направлению к магазинчику. Девушка тем временем попятилась от мужчины, обозленного тем, что какая-то наркоманка угощается его яблоками и лимонами. Обнаружив, что у наркоманки в руках нож, мужчина, защищаясь, вскинул руки.

Оливия с Олундом уже вылезали из машины, когда девушка со всех ног бросилась бежать по направлению к Васапарку.

Развевающееся платье мелькало между стволов, полицейским же дорогу перегораживал грузовик, и броситься следом за девушкой они не смогли. Потом на другой полосе словно из ниоткуда возникли еще две машины, до сей поры заслоненные грузовиком.

Не схвати Олунд Оливию за плечо, она бы кинулась прямо под колеса.

– Спасибо, – сказала Оливия, когда они наконец перебрались на другую сторону. – Ну и скорость у нее! Куда она могла деться?

– Она в парке. – Олунд, занимавшийся легкой атлетикой, сообразил, чему стал свидетелем.

Шестьдесят метров в... Да, похоже, что это... Молодежный рекорд Швеции? Может, даже для юношей?

– Пошли, – сказал Олунд. – Сейчас мы ее найдем. Машина пусть стоит, где стоит.

Оба бросились в парк; им даже не пришлось спрашивать, куда побежала девушка. Какая-то пара с коляской указывала на скалу в западной части парка.

– Какая-то бомжиха чуть в нас не врезалась. У нее нож... Что она такого сделала?

– Яблоко украла, – ответила Оливия, и они с Олундом побежали дальше.

* * *

Небольшой парк был обнесен белой оградой, имелась там и живая изгородь. Между плодовыми деревьями тянулись дорожки, посыпанные щебенкой и камешками покрупнее; на камешках там и сям валялась кора. Посреди парка, у зеркального пруда, стояла, держа за руку молодого мужчину в белом, согнутая старостью женщина.

По воде плыли кувшинки; среди камней мелькали золотые рыбки. Высокие каштаны над ними тянули к небу белые свечки соцветий.

– Может быть, вернемся? Чтобы не пропустить чаепитие?

Старушка кивнула, и санитар повел ее к шезлонгам, выстроившимся у кустов шиповника.

Вдруг от беседки донеслись громкие голоса. Какие-то мальчишки не то смеялись, не то ссорились.

– Подождите, – попросил санитар. – Присядьте сюда.

Под ботинками санитара хрустнул гравий, а дальше все произошло очень быстро. Сначала послышался громкий крик, а потом к ним медленно вышла какая-то фигура. Перед санитаром предстала девушка с испачканным лицом.

Девушка шагнула к старушке и подняла руки, красные, как цветы шиповника. Потом она погладила старуху по щеке пальцами, порытыми чем-то мокрым, липким и красным. В другой руке сверкнуло лезвие ножа.

* * *

– Как сквозь землю провалилась, – сказала Оливия.

Олунд взглянул в сторону Саббатсергспаркена – одного из множества лесопарков, разбросанных к югу от Васапарка. С тех пор как они упустили девушку, прошло уже десять минут.

– Может, мы попусту тратим рабочее время? – Оливия взглянула на него. – Этим разве не выездные патрульные должны заниматься?

– Наверное.

И все же у Олунда было чувство, что эта девушка – не какая-нибудь обычная наркоманка. Если она вообще наркоманка. Он отметил, как она изучала яблоко. Это не взгляд наркоманки, нет. Это взгляд человека без червоточины.

Она пошли назад, к машине. Олунд вытер потный лоб. Да, выпить пива на балконе сейчас было бы неплохо.

– В Саду чувств? – спросила Оливия.

– Не понял.

– Маленький парк возле Музея искусств... Мы его пропустили.

Они прибавили шаг; приближаясь к низенькой белой ограде, тянувшейся вокруг сада, они слышали, как кто-то зовет на помощь. Калитка в ограде была распахнута. Выложенная плитками дорожка вела к открытой гравийной площадке, на которой стояла садовая мебель. Поодаль виднелись пестрые клумбы, кусты и деревья, за ними белела беседка.

– Кровь, – на бегу бросила Оливия.

По плиткам дорожки тянулась цепочка из редких капель; в тот же миг Олунд заметил старуху – та, уставившись в никуда, сидела в шезлонге на краю площадки.

Одна щека женщины была вымазана кровью. Олунд и Оливия бросились к ней.

– Эй, эй! – От беседки уже бежал мужчина в белом. – Это не ее кровь, – крикнул он. – Там какой-то парень тяжело ранен. Я вызвал “скорую”, но...

– Побудьте пока с ней. – Оливия предъявила санитару жетон.

Едва увидев лежавшего на земле молодого человека, которого окружали трое других парней, Олунд понял, что счет идет на минуты. Крови было много, слишком много.

– Отойдите! – крикнула Оливия. Ребята отступили, а она присела на корточки возле раненого. – Дай-ка, – бросила она парню, у которого куртка была завязана рукавами на поясе. – И прекратите снимать!

Олунд увидел в руках у одного из парней телефон. Парень попятился и сунул телефон в карман. Оливия вырвала куртку из рук у его приятеля, а Олунд тем временем присел рядом с ней, осторожно повернул раненого на бок и приподнял пропитанный кровью свитер.

Три глубокие, длиной в несколько сантиметров раны с завернутыми краями образовали полумесяц. Олунду они показались похожими на след от медвежьих зубов.

Глава 10

Ренстирнас-гата

Если не считать того, что до моря отсюда слишком далеко, летом слишком жарко, а в остальное время года – слишком много студентов, Упсала вполне симпатичный город. Но стены в трехкомнатной квартире Луве Мартинсона в Свартбэкене как будто начали сжиматься, и Луве стало тягостно в собственном жилище. К тому же Упсала мало подходила для частной практики.

Старые клиенты Луве остались в Стокгольме. Десять лет назад, еще до интерната в Скутшере, Луве вел прием в Сёдермальме. Когда он нашел идеальное место на Ренстирнас-гата, в паре кварталов от Нютorget, ему показалось, что он вернулся домой.

Вообще это был кондоминиум, но обстоятельства требовали творческих решений. Прежний владелец купил семьдесят квадратных метров в чердачном этаже и соединил их с квартирой внизу, по площади примерно такой же. На оба этажа можно было попасть с общей лестницы, что давало возможность устроить кабинет наверху и жилое помещение внизу. Луве продал квартиру в Свартбэкене, отщипнул от наследства, оставшегося после родителей, и этих денег хватило, чтобы квартира на Ренстирнас-гата осталась за ним.

В коридоре и комнатах стояли коробки с вещами. В ожидании новой кровати Луве решил довольствоваться диваном, а пока успел собрать пару книжных стеллажей, разложить приборы по кухонным ящикам и подключить телевизор.

Луве планировал начать прием в конце августа, а лето посвятить обустройству квартиры. Однако покоя он не чувствовал. Луве подозревал, что расстаться со Скутшером будет сложнее, чем казалось до переезда. Вещи как будто прорастали воспоминаниями о девочках из “Ведьмина котла”, и Луве никак не мог решить, выбросить их или оставить.

Налив себе красного вина, он сел на диван, стоявший посреди хаоса гостиной, и снова вернулся к предметам, разбросанным на полу.

Начал Луве с бронзовой статуэтки – громоздкой нелепой штуки, которая была с ним, еще когда он вел прием в своем старом кабинете. Литая статуэтка представляла собой вазу с увядшими розами. Дорогая некрасивая вещица. Значит, придется иметь дело с аукционным домом. Потом Луве распечатал коробку с книгами – в основном художественной литературой; перед переездом времени оставалось в обрез, и он упаковал все без разбора. Надо будет отнести в благотворительную организацию на Нютorget книги, которые следовало бы раздать еще в Упсале.

Луве быстро заполнил два бумажных пакета. Отсев прошли только три книги, и Луве отложил их в сторону: “Ночной лес” Джуны Барнс, “Девушка из Дании” Дэвида Эберсхоффа и “Змея” Стига Дагермана, причем последняя книга являла собой потертое первое издание.

Когда-то у Луве была юная пациентка, которой трудно было описать свою внутреннюю тьму словами, но потом, когда девушка стала больше доверять Луве, она рассказала, что в голове у нее обитает змея. Девушка говорила, что вся ее тревожность из-за этой змеи, что змея отнимает у нее чувства безопасности и счастья, и так будет, пока змея жива. Как в романе Дагермана, действие которого разыгрывается в казарме, где прячется змея. Солдаты не знают, где она – знают только, что змея где-то в казарме; они не говорят о своем страхе – страхе перед войной, смертью и змеей; наоборот, они делают все, чтобы и дальше казаться людьми твердыми, не знающими колебаний. Совсем как та девочка и еще многие после нее.

Луве отпил вина, включил телевизор и нашел канал, транслировавший передачу, которую он хотел посмотреть.

Передача, о которой говорили девочки на прощальной вечеринке, называлась “Неизвестные миры”. Заставка состояла из нарезки: гости программы, известные литераторы, сидят в расслабленных позах в компании ведущего, альфа-самца, левака образца семидесятых. Первым гостем программы был писатель, философ и участник разнообразных дискуссий Пер Квидинг. Луве распечатал очередную коробку и, слушая, продолжил разбирать книги.

– *Рад видеть вас в студии, Пер.*

– *Спасибо... Я, как всегда, немного смущаюсь – одичал, пока сидел в одиночестве за городом, писал... Надеюсь, я не утратил способности говорить.*

Это тебе точно не грозит, подумал Луве.

Романы Пера Квидинга относились к книгам, в изобилии представленным на распродажах и в секонд-хендах. Одноразовая продукция, некий сплав романа, автобиографии и доморощенного научпопа. В них всегда затрагивались великие вопросы: жизнь, смерть, любовь, космос, загадка сновидений, экологические катастрофы и так далее, и тому подобное. Луве несколько раз пытался читать их, но сдавался и бросал.

Передача продолжалась; стопка книг на полу росла. Время от времени Луве поднимал взгляд на экран телевизора. Писатель сидел в кресле, пристроив локти на подлокотниках и сплетя пальцы под приятным лицом, обрамленным в меру взлохмаченными рыжими волосами.

Доброжелатель сказал бы, что Квидинг – человек, имеющий представление о риторике, что самые банальные истины в его устах становятся глубокими, сложными высказываниями, а искусные формулировки иногда звучат как удачные метафоры. Подобно Эрнсту Кирштайнеру от литературы, он бродит босиком по росистой траве, с записной книжкой в руках. Недоброжелатель сказал бы все то же самое, только изобразил бы Квидинга человеком жалким и самодовольным.

Из беседы в студии явствовало, что речь в новой книге идет о смертном опыте и что основанием для книги послужили дневники, в которых юная девушка по имени Стина, жившая в XIX веке, описывала свои видения. Дневники писатель обнаружил среди доставшегося ему после каких-то родственников наследства.

– *Как вы полагаете, что подумала бы Стина, узнай она, что ее дневники опубликуют?* – спросил ведущий. – *Не сочла бы она обнаружение своих дневников вторжением в личную жизнь?*

– *Думаю, ее бы это обрадовало,* – ответил Квидинг, глядя прямо в камеру.

– *А тот факт, что она вкладывала в дневник нитку, чтобы знать, открывал его кто-нибудь или нет? Он ведь показывает, что Стина вела дневник только для себя?*

– *Ну... я правда считаю, что Стина оценила бы факт публикации. Мы, так сказать, в соавторстве с ней написали книгу, которую прочтут очень многие. Может стать, тексты Стины много значат для этих людей.*

Голос у Пера Квидинга был глубоким, мелодичным, мягко берущим за душу; писатель говорил “мы” так, что становилось ясно: в этом “мы” он объединяет себя с читателями. Однако Луве казалось, что язык тела Квидинга говорит о другом: писатель ставит себя несколько над теми, кого он называет “мы”, он просвещает нас, всех прочих. Самоназначенный духовный лидер.

Квидинг, жестами приглашая послушать и тех, кто собрался в студии, и телезрителей – всех остальных шведов, взял в руки недавно вышедшую книгу, раскрыл ее, выдержал театральную паузу и лишь потом начал читать.

– *“Жизнь и смерть Стины”.* – Снова пауза, снова взгляд прямо в камеру. – *...автор – я, Пер Квидинг.*

Луве бросил разбирать книги, откинулся на спинку дивана и стал слушать.

Пер Квидинг **“Жизнь и смерть Стины”** **(отрывок)**

СЕМНАДЦАТОЕ ИЮНЯ МОЕГО СЕМНАДЦАТОГО ГОДА ЖИЗНИ

Вчера вечером произошло нечто ужасное.

Мы с младшим братом спустились к озерцу за водой. У самого берега, полускрытый камышами, лежал какой-то темный ком, похожий на тюк одежды. Я поставила ведра и сказала брату оставаться на берегу, а сама подоткнула юбку до пояса и вошла в ледяную воду.

Когда я потянула тряпичный ком к себе, послышался всплеск, на поверхность всплыл и лопнул пузырь, и показалась черная, похожая на птичью лапу с когтями рука.

Потом труп повернулся, и я различила сквозь камыши волосы, ухо, выпученный глаз и лицо, словно вылепленное из глины. Как у Голема.

Тут я вдруг почувствовала запах, как от протухшего мяса или рыбы. Я забыла про все, даже про моего собственного младшего брата.

Из оцепенения меня вывел Видар – он, тихо плача, тянул меня за юбку, и я поспешила выбраться на берег. Видар зашел за мной в воду, которая доходила ему до живота. Милый мой маленький Видар. Лицо у него, бедного, побелело, как бумага.

Мы побрели к берегу. Не решаясь обернуться, упорно глядя вниз, на собственные ноги, я пыталась уверить себя, что это не Черный человек хватает за лодыжки, это от озерной воды кровь леденеет у меня в жилах, это от нее у меня дрожат руки и ноги.

Из-за воды, которая стекает с гор, зима у нас держится долго, бросает на лето длинные ледяные тени. Может быть, поэтому наш край и называется Витваттнет – Белая вода.

Сейчас, когда я пишу это, уже поздний вечер, Видар давно спит.

Не понимаю, как ему удалось уснуть. Бревна пригнаны плотно, но гнус все равно лезет в избу сотнями. У меня руки покрыты зудящими красными пятнами от жгучих укусов – а Видар спокойно спит сном младенца, и на коже у него всего три красных пятнышка. Похоже, ему не помешало даже то, что произошло сегодня у озера. Пальчики сжимают угол подушки. Я вижу: Бог хранит Видара.

А вот я подверглась испытанию. Или Бог вообще оставил меня, потому что я слишком много грешила. Думала и поступала неправильно.

Думала о тебе, Ингар, о твоём мирском теле. Имя этому – Похоть, такое не опишешь на бумаге.

Я без разрешения брала еду из запасов, и это – Себялюбие, Предательство и Расточительность. А еще я пренебрегла починкой одежды, и имя этому – Расточительность и Беспечность.

А еще я плохо думала о собственной матери.

Это трудно объяснить. Я знаю, что Эм правильно делает, когда наказывает меня за греховные поступки. Но иногда мне кажется, что ей просто нравится наказывать меня.

Иногда мне кажется, что она меня ненавидит. Это она-то, которая вечно твердит о безусловной любви.

Как могут отец и мать настолько по-разному относиться к собственному ребенку?

Пе утешал меня, когда мы нашли Черного человека в камышах. Он согревал мои руки в своих, когда я пришла домой окоченевшая от холода. А когда я наколола дров, он налил мне супу.

Пе не испугался Голема. Он сказал, что мертвец был просто человеком и что его надо похоронить. Похороны взяли на себя Пе и Старейшины.

Я уверена: никто не знает, что у меня есть дневник. Пусть и впредь об этом никто не узнает.

Я кладу между обложкой и первой страницей тонкую, почти невидимую ниточку. Если, когда я открою дневник в следующий раз, нитка окажется не на месте – я буду знать, что в дневник кто-то заглядывал.

Поэтому я молюсь за нас и за тебя, Ингар:

Миг нашей земной жизни есть вдох в забыты.

Держи голову высоко, как подобает главной из Божьих тварей.

Мы – возлюбленные, и нам нечего бояться.

Ибо всё есть Любовь!

Глава 11

Квартал Крунуберг

Троим парням, сидевшим по ту сторону стола в душевой допросной, было по восемнадцать лет; все они учились в гимназии на севере Центрального Стокгольма. Их приятеля срочно доставили в Каролинскую больницу. Рана на животе была опасной, парень потерял много крови, но он выживет. Разорванную печень удалось восстановить, а поврежденную часть тонкого кишечника врачи удалили.

Один из парней снимал произошедшее в Васапарке на телефон, который сейчас лежал на столе.

На экране застыла картинка: девушка с ножом в руке, лицо перекошено от гнева.

Парни оказались не особо разговорчивыми, но хуже всего было то, что, пока Олунд помогал Оливии не дать их товарищу истечь кровью, они успели записать видеозапись нападения на несколько сетевых площадок.

“Обычный день в Васапарке”, гласил комментарий, приправленный тридцатью восклицательными знаками.

Оливия покачала головой и уперлась взглядом в страницу блокнота. Олунд понимал, каких трудов ей стоит не сорваться.

Старуха и санитар не пострадали, хотя и пережили шок. По словам санитаря, девушка погладила старуху по щеке – “даже нежно, как будто хотела утешить или успокоить”. Самой ссоры санитар почти не видел, но Олунд понимал, что его свидетельство может оказаться важным.

– Когда мы беседовали с вами по отдельности, вы по-разному описали, что происходило до того, как девушка вытащила нож. – Олунд посмотрел на каждого из парней по очереди и рукавом вытер потный лоб. Интересно, почему он так потеет? Жара и неважный кондиционер? Или он заболевает?

Один из парней заявил, что наркоманка накинулась на них без всякой причины. Сначала несколько раз толкнула, а потом набросилась с ножом.

По словам другого, девушка подошла к ним и стала выпрашивать сигареты. Сигарет у парней не оказалось, девица вышла из себя и напала на них.

Третий сказал, что девушка лежала в беседке, пряталась, а когда они ее обнаружили, словно взбесилась.

Все, как всегда, решили детали. Войди нож на несколько сантиметров глубже, девушку объявили бы в розыск за убийство. А теперь ее разыскивают всего лишь за покушение на убийство.

Телефонам парней предстояло отправиться на экспертизу. Техники сумеют восстановить удаленные видеофайлы, из которых станет ясно, что именно произошло. А короткий обзор их интернет-привычек продемонстрирует, что все трое имеют обыкновение не только приставать к девушкам, но и записывать свои домогательства на видео.

* * *

Когда парни покинули полицейское управление, Олунд еще раз просмотрел заявления о пропавших людях. Наверняка какое-нибудь заявление имеет отношение к девушке, чье имя они пока не установили. В Сольне имела место кража в магазине, причем приметы воровки напоминали приметы безымянной девушки, а на сортировочной в Томтебуда машинист локомотива обнаружил безбилетницу, чьи приметы также совпадали с приметами девушки. Олунд

начал прикидывать ее маршрут от сортировочной в Томтебуде до Васапарка, однако вопросы, кто она и откуда явилась, все еще оставались без ответа.

В заявлении был телефонный номер машиниста, который из-за своей находки свалился с вагона-платформы, и Олунд решил позвонить ему.

– Компрессионный перелом позвоночника, – ответил машинист на вопрос Олунда о травме. – Больно черт знает как, но меня отправили домой. Таблеток вот дали.

Финский акцент звучал далеко не так красиво, как обычно; машинист выговаривал слова невнятно и как-то растянуто – вероятно, виной тому были сильные обезболивающие.

Олунд принялся делать записи, одновременно поедая бутерброд.

– Она столкнула вас с платформы вагона? – спросил он и потянулся за стаканом воды, однако витаминная таблетка еще не разошлась, и Олунд помешал мутноватую жидкость ручкой.

– Ну... не то чтобы прямо толкнула. Схватила за руку так, что ногти впились, я вырвался, завалился назад, упал на рельсы, да неудачно... А она сбежала, как дух лесной... *Маахинен*.

Олунд дожевал бутерброд и выбросил целлофановую обертку в мусорную корзину.

– Маахинен?

– Да... Когда я был маленьким, а рос я в Карлебю, отец ушел в лес и снес себе полголовы гранатой. Память о Двадцать втором пехотном полке. И я, понимаете, в детстве боялся леса. Я думал, это с ним маахинен сделала. А это с ним сделала война. Девица, которую я нашел, была вылитая виттра лесная.

– Еще что-нибудь можете вспомнить?

Олунду показалось, что он слышит глухое мычание.

– Да... – через пару секунд ответил машинист. – Вы нашли ее рюкзак? Он остался в вагоне.

Олунд быстро поискал в базе, но ничего похожего на рюкзак не обнаружил.

– Где этот рюкзак?

– Не знаю... Его пока забрал на хранение один мой товарищ по работе.

Олунд снова помешал ручкой в стакане. У него были только растворимые таблетки, но он сомневался, что витамины его взбодрят. В голове стоял все тот же туман. Пиво на балконе помогло бы лучше, хотя теперь ему светит двойная смена с перерывом всего в несколько часов.

– Вы сказали, что поезд вышел из Свега. Можете описать маршрут?

Машинист откашлялся.

– Так-то да... Только он сложный получился.

Глава 12

Ренстирнас-гата

Пер Квидинг чувствовал себя в телевизоре исключительно хорошо. Он удобно откинулся на спинку кресла и, улыбаясь, адресовался к собравшейся в студии публике:

– Хватит разграничивать духовное и научное. Разве не глупость – не изучать непонятное? Предположим, что мы точно так же смотрели бы, например, на микробиологию... Насколько ограниченнее и невежественнее мы были бы! К откровениям людей вроде Стины стоит отнестись серьезнее, а не объявлять их сумасшедшими или одержимыми. Давайте извлекать уроки из опыта этих людей, а не упрятывать их в лечебницу...

Хорошо, что все так просто, подумал Луве.

Вскоре объявили следующего гостя программы, и Луве сделал погромче.

Все последние годы он, соблюдая дистанцию, следил, как живет и что делает Мерси, однако решил не напоминать ей о себе. Пройдя курс лечения, она вполне справлялась с жизнью, и Луве не хотелось беречь раны, которые ей, похоже, удалось залечить самостоятельно. Она сильная девушка.

Для начала ведущий объявил, что согласен с восторженными отзывами критиков.

– На днях из печати выходит ваша автобиография, “No Mercy: без пощады”. Книга уже снискала высокую оценку рецензентов, которые называли ее “бесконечно прекрасной и жестокой”, “будущей классикой”; прозвучали и другие похвалы.

Луве уловил нотку скепсиса: этот матерый альфа-самец словно не верил, что двадцатитрехлетняя чернокожая нигерийка в состоянии соответствовать шведскому литературному канону.

– Вы, как и Пер, описываете пограничье между жизнью и смертью и... да, даже утверждаете, что состоите в ментальной связи со своей умершей подругой.

Мерси казалась абсолютно спокойной, но Луве знал, что она чувствует себя не в своей тарелке. Во всяком случае, та Мерси, которую он знал.

– Я бы не назвала это ментальной связью. Общение, подобие общения, происходит у меня в голове. Она где-то рядом со мной, она помогает мне выстоять.

– В каком смысле выстоять?

Мерси пожала плечами, и Луве невольно улыбнулся. Именно такой вид у нее бывал, когда ей становилось скучно во время сессии.

– Выстоять по жизни, – ответила Мерси; все тот же сиплый голос. По выражению на лице ведущего сразу стало ясно, что у него и Мерси совершенно разное представление о том, что значит жить.

Ведущий на экране телевизора многозначительно улыбнулся.

– Итак, вы можете общаться со своей умершей подругой. Как вы полагаете, где она находится?

– Не знаю... Сложно сказать.

– Если она сейчас с вами, вы можете спросить ее, где она пребывает?

Камера снова крупным планом показала скучающее лицо Мерси.

– Все не настолько примитивно.

Пер Квидинг откашлялся:

– Тема, которую вы затронули... В моей книге она тоже звучит. Говорят же верующие об ангелах-хранителях. Думаю, нам лучше обсуждать эту тему в научных терминах, говорить об энергии, ведь всё суть различные энергии...

Разговор, не без помощи ведущего, снова съехал на Квидинга и его книгу. Луве, считавший секунды во время этого короткого отклонения от темы, успел дойти до двух минут, когда ведущий снова повернулся к Мерси.

– *Что побудило вас взяться за автобиографию? Где вы почерпнули силы, чтобы описать пережитые вами ужасы? Пьянство и наркомания, детская проституция, порнография, насильственные смерти... Насколько я понимаю, в вашей жизни был человек, который оказал на вас особое влияние?*

Мерси кивнула, но ответила не сразу; ведущий, которому, видимо, не понравилось, что эфирное время тратится попусту, решил подсказать ей:

– *Имени вы не назвали: это или он, или она. Мы только знаем, что это психотерапевт и что все началось, когда вы написали письмо этому... человеку неопределенного рода?*

Луве замер. Не потому, что ведущий допустил ошибку, спутав род и пол, а потому что сразу понял, к чему тот клонит.

“Неужели она и правда имеет в виду меня”, – подумал он.

– *Мерси... Учитывая все, через что вам пришлось пройти, может показаться, что ступить на стезю литературы вам помогла именно женщина.*

– *Ну... А почему?*

– *Потому что вы, при вашем страшном, да что там – отвратительном опыте общения с мужчинами, скорее открылись бы перед женщиной.*

– *Мне сложно сказать... Во время терапии я познакомилась с собственной ранимостью. Я не знала ни кто я, ни куда направляюсь. Мне казалось, что у нас с тем человеком одно переживание на двоих... что мы оба не знаем своей сути.*

“Мы оба не знаем своей сути, – подумал Луве. – Неужели она видела меня именно таким?”

Он не столько обиделся, сколько удивился, однако его самооценка оказалась неприятно задетой.

Все годы работы в “Ведьмином котле” Луве хотелось думать, что он помогает девочкам снова обрести чувство безопасности, стабильности. На стремлении вернуть девочкам это чувство и строился его терапевтический подход.

Как может человек узнать и принять себя, если ему кажется, что его наставник сам не знает своей сути?

Глава 13

Туннель на станции “Катарина”

В начале 1930-х годов район Сёдермальма рядом со Слюссеном не слишком отличался от той гигантской стройплощадки, что он представляет сейчас. Бреши в скальной породе, проделанные динамитом, улицы, ведущие в никуда, груды камней и строительные леса чуть не на каждом шагу. Тогда, как и сейчас, по-ночному темные коньки крыш освещала первая в Швеции неоновая реклама зубной пасты “Стоматол”. В декабре 1932 года шестнадцать тысяч тонн камня преобразовались в туннели “Медборгарплатсен”, станции первой линии шведского метро. Фотограф запечатлел момент, когда через толщу скальной породы был проложен проход: двое подрывников – тот, что двигался с севера, и тот, что двигался с юга – встретились в туннеле под Бьёрновыми садами ижимают друг другу руки, ставя этим жестом точку в своей работе.

И вот почти девяносто лет спустя двое других мужчин приветствуют друг друга примерно на том же месте – на маленьком пятачке у подножия эскалатора, спускающегося на станцию метро от Бьёрновых садов. Теперь, как и тогда, встречаются в рукопожатии потные после работы ладони, но сама работа совершенно иного рода. Мужчины чувствуют облегчение: их задача – задержать наркоманку под кайфом и, возможно, с психическими отклонениями – оказалась куда сложнее, чем они поначалу думали.

На полу лежит что-то похожее на ворох одежды, но, когда один из охранников трогает эту кучу тряпок носком ботинка, она шевелится. Охранник наклоняется, берется за рукав темно-зеленой куртки, дергает.

– Слушай, ты, давай-ка...

Среагировать он не успевает: тяжелый ботинок пинает его в подбородок. Охранник неожиданно для себя резко закрывает рот, лишившись при этом кончика языка.

* * *

Если вчера Олунду просто нездоровилось, то сегодня он чувствовал себя в сто раз хуже. Шипучие витамины, которые, если верить некоторым сайтам, были ненамного эффективнее плацебо, он выбросил и купил вместо них жаропонижающее. Когда они со Шварцем лавировали в туннелях Сёдермальма, тошнота тоже никуда не делась.

– Охранники задержали девицу, когда заметили, как она катается от “Медборгарплатсен” до “Слюссена” и обратно, – говорил Олунд. – К тому же некоторые пассажиры видели, как она бежит по переходам.

– Значит, она со вчерашнего дня в подполье, – усмехнулся Шварц.

– Наверное... Во всяком случае, охранник говорил, что она сопротивлялась как бешеная. Что она не так уж беззащитна, как кажется.

– А может, это охранники не так круты, как про себя думают.

Олунд механически кивнул. Иногда ему было проще согласиться со Шварцем, что бы он сам ни думал. Может быть, ему просто не хотелось обсуждать нюансы и точки зрения.

– Она сейчас в служебном помещении в конце платформы, – сказал он, когда Шварц парковался на стоянке возле палатки-гриль неподалеку от Бьёрновых садов.

Шварц его, кажется, не слушал.

– Ну и ну, – проворчал он. – Наркоманы, алкаши – и тут же детский сад. Чем люди думали?

Перед ними стояла полицейская машина. Несколько патрульных пытались привести в чувство пьяного. Олунд оглядел маленький парк. Банки из-под пива, мусор; подростки растянулись на заливной солнцем лужайке, на лестнице неподалеку сидят цыгане с картонными стаканчиками. Скейтбордисты первого поколения делят пятачок у ресторана “Кварнен” с собственными детьми и внуками. Слева, возле детского сада, была игровая площадка. Вылезая из машины, Олунд насчитал с десяток галдевших ребятишек. Вокруг разливалась вонь туалета.

Сегодня жара стояла еще страшнее вчерашней, хотя Олунду казалось, что жарче, чем вчера, быть уже не может. Он с облегчением вздохнул, когда они спустились на эскалаторе в прохладу подземки, однако уже через несколько шагов пульс у него участился. Но не из-за того, что его лихорадило; Олунда вдруг настигло чувство, что что-то не так.

В воздухе ощущалась тревога. Пассажиры, ехавшие вниз, не были буднично молчаливой и безликой толпой. Явно не знакомые друг с другом люди переговаривались между собой; привычной спешки у них тоже не наблюдалось.

Те, кто стоял на платформе по ту сторону путей, смотрели вниз, на рельсы.

– Пошли, – сказал Шварц. – На перроне что-то происходит.

Он со стуком приложил полицейский жетон к плексигласовому окошку, и скучающий дежурный открыл им турникет. Олунд последовал за Шварцем.

Прибывающий поезд замедлил ход, со скрипом останавливаясь – и тут откуда-то с перрона раздался крик. Олунд и Шварц стали прокладывать себе путь через толпу.

– А ну стой! Стоять!! – кричал мужской голос.

Олунд успел заметить в дальнем конце платформы спину охранника; на какую-то долю секунды за последним вагоном мелькнула развевающаяся светлая ткань. Двери разъехались, и на перрон, как стадо овец, хлынули пассажиры, закрывшие обзор.

“Черт, – подумал Олунд. – Неужели на рельсы прыгнула?”

Им со Шварцем пришлось проталкиваться сквозь толпу желающих выйти из вагона и стремящихся войти в вагон. Когда толпа наконец рассеялась, оба увидели, что охранник стоит у ограждения и заглядывает в туннель.

– Что тут происходит? – рявкнул Шварц. – Она у вас что, сама по себе гуляет?

Охранник обернулся; он был явно потрясен.

– Нет, но... Черт. По-моему, она кое-что прихватила из сейфа.

Голос из вагонных динамиков объявил, что двери закрываются.

– Из какого еще сейфа? – Шварц отвел охранника в сторону и схватился за ограду. – И где, кстати, ваш напарник? Вас же должно быть двое, не меньше?

Охранник молча кивнул. Двери закрылись, поезд тронулся. Олунд бросил взгляд на табло. “Скарпнэк – 3 мин”. Шварц уже успел спрыгнуть на пути.

– А вы давайте по Гётгатам до “Слюссена”, – крикнул он. – Если повезет, мы ее перехватим.

И Шварц скрылся в темноте туннеля. У Олунда засосало под ложечкой. До следующего поезда три минуты. И двое придурков в туннеле. Плохо.

Олунд быстро прикинул вероятные перспективы и спросил:

– Что она прихватила из сейфа?

– Пистолет напарника, – вздохнул охранник.

Олунд снова задумался, и тут же напомнила о себе лихорадка. Накатил приступ головокружения, после которого тело налилось тяжестью, словно каждая его клеточка сопротивлялась тому, что он собирался сделать.

– Свяжитесь с дежурными на “Слюссене” и живо туда, – скомандовал он, потом схватился за металлическую ограду и спрыгнул на щебенку под платформой.

У него едва не подогнулись колени, словно тяжесть, которой налилось тело, хотела уйти дальше, в скальную породу. На табло появилось сообщение о том, что до прибытия следующего поезда осталось две минуты, и раздумывать стало некогда.

Олунд побежал, стараясь не думать о токе, который течет по путям совсем рядом с ним. Ямки, неровности. Один неверный шаг – и его тело пронзят шестьсот пятьдесят вольт. Рельсы блестящими полосками тянулись вглубь скалы; Олунд на непослушных ногах бежал вдоль них, не обращая внимания на жар, на стук в висках, на молочную кислоту, от которой болели ляжки и икры. Шпалы под ним уходили вперед, и ему казалось, что это они движутся, а он свободно парит над ними. Олунд спрашивал себя, не сошел ли он с ума – безумец, который бежит за безумцем, преследующим безумицу в темном туннеле, навстречу приближающемуся поезду. Олунд, в отличие от Шварца, знал про украденный из сейфа пистолет, но как укравшая может употребить украденное, он знать не мог.

Олунд не считал секунды, но ему показалось, что яркий свет лег на шероховатые стены туннеля слишком скоро. Впереди, метрах в двадцати, прыгала по стенам тень Шварца.

Накатил грохот идущего через туннель поезда. Олунд шагнул в сторону, прижался к холодной мокрой стене и зажмурился. Ноги обдало сквозняком, от грохота заложило уши.

Переждав последний вагон, Олунд открыл глаза. Мир понемногу обретал отчетливые, реальные очертания.

Далеко впереди мерцал свет на станции “Слюссен”, и Олунд побежал дальше. Путь пошел вверх, мышцы ног сводило, а мысли вертелись вокруг одного: надо как можно быстрее выбираться отсюда. Станция возникла перед ним внезапно.

Олунд увидел, как Шварц карабкается по лестнице на южной стороне платформы, а потом переваливается через край.

Вдруг из глубины туннеля прозвучал резкий хлопок, похожий на пистолетный выстрел, и человек, тринадцать лет бывший Олунду коллегой и другом, повалился на перрон.

Пер Квидинг **“Жизнь и смерть Стины”** **(отрывок)**

ВЕСНА 1871 ГОДА

В ночной темноте прогремел выстрел, бродяга повалился в желоб для нечистот, и дворняги за Брэндой тут же залаяли, словно деяние пришлось им не по душе.

– Вот чего заслуживают содомиты, – сказал мужчина с револьвером. Он взмахом руки разогнал пороховой дым, сунул оружие за пояс штанов и жестом велел своим людям оттащить тело, после чего улыбнулся Стине.

– Проходите, барышня.

Переулком до самого Немецкого колодца вонял испражнениями и отбросами скотобойни, и Стина приподняла юбки повыше, чтобы не испачкаться. Бродяга лежал лицом в сточной канаве; когда его подняли, тело еще подергивалось. Руки свисали в стороны. Заметив его загорелые кисти и бледные, в мозолях от тяжелой работы ладони, Стина остановилась.

Увидев руки этого бедняги, она подумала о своем двоюродном брате, Акселе.

Руки содомита, размахивавшего киркой на Стуре Эссинген.

Стина знала, что Бог любит всех людей, особенно отверженных. И знала, что, когда содомит встречает свою любовь, награда ему будет изобильнее, чем богобоязненным. Его потребность в близости бесконечна, ибо он жаждет, страдает и вожделеет куда сильнее прочих, и куда сильнее прочих он сдерживает себя, запрещает себе вожделееть.

Содомит – как солнце, которому не дано сиять, подумала Стина.

Содомит долго направлял крик в собственную душу, но, когда его наконец освободили, воссиял свет, какого мир еще не видел.

Переулками Стина дошла до Норрбру, миновала площадь Густава Адольфа, по плавучему мосту добралась до Кунгсхольмена. Она устала от тяжелого тела рослого мясника с голубыми глазами и колючей бородой, взявшего ее под покровительство. Стина стащила кожаный кошель, который мясник держал у себя в комнатухе, и теперь спешила в приют на Хантверкаргатан. Там мясник ее не найдет. Кто же пойдет в приют для нищих, имея при себе столько денег?

Прихожане не любили ни Стину, ни хозяйку; когда Стина начала говорить на улицах от имени Господа, они задразнили ее. Однако нашлась женщина, которая пожалела Стину и часто приискивала ей ночлег; может быть, потому, что женщина эта, как и Стина, некогда впала в немилость у собственного разума и ей пришлось побывать в лечебнице.

Стине сделалось стыдно, когда ее впустили и показали кровать, в которой она не нуждалась – содержимого тяжелого кошелька, что висел у нее под юбкой, с лихвой хватило бы на много ночей в гостинице.

Когда она засыпала, обхватив кошель, ей снилась Америка. Величественная Миннесота, где на многие мили раскинулись плодородные луга, чистая вода, которую Господь тысячи лет хранил для людей. А теперь Он приглашает туда таких, как она, Стина, и ее двоюродный брат Аксель.

Стине Миннесота казалась воплощением рая, чудесной, как смерть, во всех своих величии и красоте.

Проснувшись, Стина посмотрелась в треснувшее карманное зеркальце. Ей хотелось думать, что жухлая желтизна в глазах происходит от стеариновой свечи на ночном столике, а не от желчи, которая теперь рвалась из нее каждое утро.

Зрачки были не более булавочной головки. Не желая увидеть еще что-нибудь отвратительное, Стина отложила зеркальце.

Приступы рвоты, выжимавшие из нее всю желчь до капли, начались осенью. Стина знала, что причина ее мучений – этот город.

Стокгольм, до самого последнего булыжника мостовой, был городом зла.

Глава 14

Гамла Стан

Последние пятьдесят шагов до платформы Олунд преодолел на одном дыхании. Добравшись до металлической лесенки и увидев, что Шварц шевелится, он со стоном выдохнул.

Шварц злобно оскалился, одной рукой держась за ногу, и отмахнулся от Олунда.

– На меня плюнь... Она побежала по лестнице, давай за ней.

– Она в тебя стреляла? Я... Надо... – Олунд нагнулся было, но крови не увидел. Значит, выстрела не было.

– Что значит “стреляла”? – Шварц скривился. – У тебя что, с головой неладит? Бегом за ней.

Олунд кивнул и бросился вверх по лестнице, прыгая через ступеньку.

У выхода на Сёдермальмсторг стоял, прижимая к уху телефон, охранник с “Медборгар-платсен”. Олунд, не обращая на него внимания, выбежал на залитую солнцем площадь.

Вокруг лотков с фруктами толпились люди; девушки нигде не было видно. Слева поднимался к Гётагатан пологий склон, но Олунд исходил из того, что девушка побежала не туда: охранник, вероятно, оттуда и явился.

Перед собой Олунд видел похожий на коробку новый вестибюль метро на Рюссгорден, справа ширилась обнесенная оградой гигантская стройка Слюссена, однако над гигантской ямой на Катаринавэген тянулись несколько временных дорожек. Стальные конструкции были, словно крышей, покрыты шелестящим брезентом; там-то, на дорожке, ведущей к причалу Стадсгордена, Олунд и решил попытать счастья. На углу Городского музея Стокгольма он увидел группу людей, судя по виду – туристов из какой-то азиатской страны. Туристы жестикулировали, указывая на мост Гамла Стана, и по их жестам Олунд понял, что они обсуждают отнюдь не архитектурные достоинства подъемного крана, заслонившего обзор.

Когда Олунд обогнул угол, туристы уже двинулись вглубь квартала, по направлению к Мариаторгет, но когда он взглянул на Гамла Стан, то понял, что угадал верно.

Вдоль длинного строительного забора, протянувшегося между островами, теснились велосипедисты и пешеходы, но только одна фигура бежала. Точно она, только куртку где-то бросила. Светлые локоны и белое платье – или ночную рубашку – ни с чем не спутаешь.

Олунд прибавил шаг – девушка ни разу не обернулась. Если она и правда стащила пистолет, то хотя бы не держит его в руках.

Когда Олунд спустился в Гамла Стан, легкие свело, будто судорогой. Солнце превратилось во врага, который вступил в союз с гриппозным жаром.

Сейчас, с двадцатиметрового расстояния, стало видно, что девушке лет пятнадцать, не больше. Она вдруг остановилась посреди улицы, между уставленных тарелками столиков уличного кафе, и заозиралась.

Компанию парней, сидевших за столом, на котором теснились пивные бокалы, видимо, насмешила ее странная фигура: они что-то прокричали, но Олунд за шумом машин не услышал, что именно. Девушка, кажется, ничего не поняла и не спеша побрела по переулку Тривальдсгрен.

Олунд двинулся за ней, держась на приличном расстоянии. Когда девушка свернула налево, на Венстерлонггатан, он позвонил Шварцу. Тот сразу взял трубку.

– Ты как? – Олунд расслышал в трубке еще какие-то голоса. – Что у тебя там?

– Ахиллово сухожилие. Такое ощущение, что оно в лодыжке застряло. Я все еще сижу на перроне. Один парень из полиции, явно интерн, со мной возится.

Олунд свернул на Вестерлонггатан. Куда ни глянь – туристы, а среди них девушка, перед которой люди расступаются и пропускают ее, будто боятся, что она заразная.

– Значит, хлопком этим не заморачиваться?

– Да, не надо.

От пота щипало глаза, и Олунд ненадолго остановился. Когда он снова оглядел улицу, девушки уже не было. “Черт”, – простонал он и нажал “отбой”.

Мало-помалу Олунд перешел на бег, прокладывая себе путь сквозь море рюкзаков, бейс-болок, висевших на груди фотоаппаратов и потных тел, но девушка как сквозь землю провалилась. В узких переулках, пересекавших улицу, Олунд ее тоже не обнаружил.

Он взобрался на бетонный барьер и стал высматривать девушку поверх голов туристов. Если она не рванула дальше, а в такой толпе особо не побегаешь, значит, шмыгнула в какое-нибудь кафе или магазин.

Вдруг между каменными стенами загремело эхо собачьего лая. Собака лаяла где-то совсем близко, за спиной у Олунда. Олунд спрыгнул на тротуар.

Приоткрытые на метр деревянные ворота явились перед ним словно из ниоткуда. Олунд сдал назад и заглянул в проем.

Сначала он увидел собаку. Окно на верхнем этаже, чуть выше человеческого роста, было открыто; серо-бурый, как стена старого дома, амстафф высунул голову с могучими челюстями, и переулок огласился еще одной очередью лая.

И тут, метрах в пяти-шести перед собой, Олунд увидел ее. Не обращая на лай никакого внимания, девушка поднималась по лестнице, ведущей на соседнюю улицу.

Сунув руку под куртку, Олунд вошел в пугающе тесный переулок, готовясь расстегнуть кнопку кобуры. Стены домов заглушали уличные звуки; Олунд слышал собственные шаги и старался дышать потише.

Девушка, видимо, все же услышала его: одолев лестницу наполовину, она остановилась и обернулась.

– Давайте не будем делать резких движений, – призвал Олунд, так и держа руку под курткой, на рукоятке пистолета. – Я полицейский. Прошу вас следовать за мной.

Безымянная девушка с лесовоза с интересом, почти с любопытством посмотрела на Олунда и села на ступеньку, не спуская с него глаз.

Олунд поставил ногу на ступеньку; теперь их разделяли метра два, не больше. Он в первый раз подобрался к девушке настолько близко и теперь только заметил, какие странные у нее глаза – темно-карие, почти черные. На какой-то миг он усомнился, что у нее при себе огнестрельное оружие. Скорее нож. Пистолет казался анахронизмом.

Над девушкой висела аура давно прошедших времен.

– Все закончилось, – сказал Олунд, уже понимая: все только начинается.

Глава 15

Белая меланхолия

Страшно. Есть нечего, хотя на дворе лето. Видар смог уснуть, только когда я дала ему пососать кожаный ремешок.

Скоро полночь. Я пишу при тусклом свете, который проникает в дом между оконной рамой и занавеской. Замечаю, что тяну с рассказом о том, как мне довелось побывать в доме Старейшин, но постараюсь все же описать этот день.

* * *

Это произошло восемнадцатого июня моего семнадцатого года жизни. Мать разбудила меня рано утром. Погладила мне лоб холодными пальцами – кончики были как сухая березовая кора. Да и сама Эм походит на узловатую березу, что растет на скале. Иногда она сутулится, словно покорно склонилась перед Господом. А иногда ощупывает ветками все вокруг, словно хочет обязательно знать, что происходит.

Было так рано, что птицы еще не пели. Когда мы шли к дому Старейшин, мать крепко держала меня за руку. Я поняла, что это из-за Черного человека – того самого, который оказался не Големом, а обычным человеческим существом.

К дому Старейшин из деревни надо спускаться, он выстроен в сырой низине, по ту сторону поросшего ельником склона. Дом этот стоит на сваях. Низина такая глубокая, что, когда приходишь сюда, становится трудно дышать. И ты знаешь: если тебя призвали сюда, то по какой-то серьезной причине.

В главной комнате сложен очаг шириной в три сажени. Он обогревает дом, и на нем же готовят еду для всех, кто здесь живет. Когда Эм ввела меня в комнату, Черный человек лежал на спине так, как сотворил его Господь, и он лежал поперек очага. Когда в нос нам ударил запах, рука Эм застыла на моей руке. Не потому, что запах был скверный. Запах стал не такой, как когда мы нашли Черного человека в камышах. Он *изменился*. Я учуяла запах лесной сырости и еще один – такой запах я чувствовала в первый и последний раз несколько лет назад.

Однажды мой отец совершил грех Осквернения себя: он съел мясо какого-то зверя, кажется, зайца. Запах был сладковато-тяжелый, и теперь так же пахло в доме Старейшин.

Эм достала пузырек, приложила палец к горлышку и помазала себе под носом. Потом она помазала и мне над верхней губой. Перечная мята. Запахло сильно и крепко, и я перестала чувствовать тот, другой запах.

Когда вошли Старейшины, Эм стояла рядом со мной.

Я принесла свидетельство.

Я рассказала правду – всю до последнего слова: как мы с Видаром пошли на озеро за водой, про человека, которого я приняла за Голема, про руку, похожую на лапу с когтями, про открытый глаз (теперь он был закрыт), про то, как мы бросились бежать и я забыла о ведрах.

Потом Старейшины показали мне браслет из светлого металла с круглой стеклянной вставкой и спросили, видела ли я раньше что-нибудь подобное. Вещица была похожа на дорожное украшение.

Я ответила, что ничего похожего никогда не видела. Тогда они достали коробочку размером с ладонь. С одной стороны она была черная, блестящая, с другой крепилась прозрачная крышечка. Старейшины снова спросили, видела ли я что-нибудь подобное. Я ответила, что нет.

Старейшины положили вещицы в очаг и разбили их молотком.

Потом плеснули на Черного человека какой-то жидкостью, зажгли факел и положили его в очаг у ног Черного.

Послышалось пощелкивание и как будто бульканье: это кожа стала плавиться в голубом пламени.

* * *

Я заканчиваю писать, откладываю перо и прячу дневник под хлипкую половицу.

Перед сном Пе тайком сует мне чашку давленной лесной малины. Я запиваю ее слабой брагой. Уснуть будет легче.

Раньше мне уже снились удивительные вещи. Иногда за одну ночь я проживаю целую жизнь. Мне кажется, что “сон” или “грезы” – неправильное описание. В таких снах я как будто *возвращаюсь домой*.

Как только я, как мне кажется, проваливаюсь в сон, я словно наполовину просыпаюсь.

Я опять в доме Старейшин, но теперь здесь только я и Черный человек. Его нагота и притягивает, и отталкивает. Во рту у меня вкус лесной малины и браги. Я подхожу к Черному человеку. Горелой плотью пахнет сильнее, чем утром.

Черный человек вдруг открывает глаза и улыбается. В его улыбке самая чистая доброта; глаза так ярко сияют от счастья, что счастье переполняет и меня.

Черный человек берет меня за руку, я вдруг отрешаюсь от всего – от времени и пространства – и проваливаюсь куда-то, все глубже, глубже – или внутрь чего-то.

Здесь не темно, здесь все сплошной свет, и я вдруг понимаю, кто он, этот Черный человек.

Тело в очаге – всего лишь одна из личин, которые он носит. Я вижу их все. Все его образы. И у всех одни и те же глаза.

Я в Америке, иду рядом с ним по хлопковой плантации; а вот мы в кибитке посреди русской степи – возвращаемся из Самарканда, везем шелк; мы противостоим смерти в полевом госпитале во Фландрии и плаваем среди кувшинок в карельском озере; мы лежим, обнявшись, в деревянной, пахнущей дегтем лодке, и наши тела сливаются в божественном единении под множеством небес – то в тени египетских пирамид, то под небом, по которому снуют странные корабли из блестящего металла; мы сидим у окон, через которые время и пространство видны насквозь, и болтаем друг с другом через эти невероятные окна из разных мест земли; в будущем, в прошлом, всегда вместе, бок о бок мы движемся сквозь столетия – сквозь тысячелетия даже. Мы мужчины и женщины, а иногда принимаем облик зверей. Мы Стина и Ингар, и пребудем ими тысячи лет.

Проживая все это в себе, я знаю, что каждый явленный мне образ обрамлен *одним-единственным* чувством. Образы не могут существовать без того главного, что разлито вокруг нас.

Любовь. Рама, фундамент, все краски творения, круговорот времени – все это любовь!

Она везде, она для всех – даже для самых заблудших, павших ниже всех. Может быть, им любви уготовано больше, чем другим, ибо заблудшие нуждаются в ней более других.

Это светлое место за пределами времени и пространства и есть настоящее, истинное существование; жизнь земная похожа на работу – необходимое зло, с которым время от времени приходится мириться. Но когда человек попадает в то, другое место, ему становится ясно все, и земная жизнь начинает казаться отдаленной, похожей на сон, она тускнеет и почти стирается из памяти.

Меня будит отец – с испуганным лицом трясет меня за плечи.

“Не покидай нас, Стина!”

Отец говорит, что я была без памяти едва ли час, но я готова поклясться, что пребывала в том чудесном мире всю свою жизнь и даже дольше. Тысячи страниц в дневнике и близко не хватит, чтобы описать его.

Никогда еще я не чувствовала себя настолько живой.

Глава 16

Следственная тюрьма Крунуберг

Надзирательница недавно разменяла шестой десяток, она служила уже давно. Олунд знал ее не первый год. Ему казалось, что надзирательница, как и он сам, не стремится делать карьеру. Не собирается менять свое место на директорское ради того, чтобы просиживать штаны и перекладывать бумажки за зарплату немногим больше, чем есть у нее сейчас. Еще их объединял интерес к машинам, мотоциклам и “народным гонкам”. Оба обожали осенние вечера, пропахшие раскисшей землей и бензином, любили, когда четыре цилиндра гудят, как рассерженные пчелы. Иногда Олунд случайно встречал эту женщину на каких-нибудь соревнованиях за городом, и не будь они оба людьми замкнутыми, они бы давным-давно перешли от шапочного знакомства к настоящей дружбе. Есть люди, думал Олунд, которым требуется побольше времени, чтобы завязать дружеские отношения.

– Все еще молчит? – спросил он, когда они с надзирательницей стояли в коридоре перед дверью камеры. Олунд на ходу поедал обед – полбагета с бесцветным сыром и столь же бесцветной ветчиной.

– Да, но она совершенно точно не глухая. По-шведски понимает. Хоть немного, но понимает. Но когда мы пытаемся общаться с ней при помощи бумаги и ручки – все, конец. Она как будто не умеет ни читать, ни писать, хотя не исключено, что притворяется и просто не хочет ни с кем разговаривать.

Олунд с самого начала подозревал, что их ожидает процесс сродни кафкианскому. Мало того, что у девочки не было документов – у нее не было даже имени. Может, шведка, а может, и нет.

Людей, личность которых не установлена и которые совершили серьезное преступление вроде покушения на убийство, инструкция требовала держать в изоляции по двадцать три часа в сутки. Каждые две недели – новое судебное разбирательство, новая надежда. В худшем случае такого человека ожидали год или два полной неопределенности; день за днем – никого, кроме надзирателей или адвокатов. Иногда заключенные и вовсе узнавали, в чем их обвиняют, лишь через несколько месяцев. И даже если дело доходило до судебного разбирательства, время, проведенное в ожидании суда, растягивалось до дурной бесконечности.

Такие процессы высасывают из людей всякую волю к жизни, подумал Олунд и шагнул в кабинет, где его ждали изъятые у девушки вещи. На столе лежали одежда и обнаруженные в рюкзаке пожитки; белая ночная рубашка и тяжелые ботинки-“вездеходы”, совершенно неподходящие для этого времени года, зеленая армейская куртка, а также нож с пятнами крови на лезвии. Самый обычный туристический нож, хотя рукоять в виде головы какого-то животного выточена вручную.

Еще здесь были вещи, недавно доставленные с сортировочной в Томтебуде. На столе рядом с уликами лежали грязный сложенный брезент и такой же грязный рюкзачок. Надзирательница уже осмотрела вещи и постановила, что они не являются вещественными доказательствами и их следует рассматривать как личное имущество. Теперь Олунду предстояло собрать их и снабдить пометками; он достал формуляр и принялся составлять опись лежавших перед ним предметов, сопровождая список комментариями.

“Серый рюкзак фирмы “Фьелльрэвен” (детский); металлическая расческа с длинной острой ручкой (не должна находиться в распоряжении заключенной); пачка кукурузных хлопьев (половина); варезки домашней вязки, пара; целая плитка шоколада (двести граммов, с орехами); старая стеклянная бутылка с резиновой пробкой и металлической ручкой (на треть заполнена обычной водопроводной водой)”.

Сбоку на рюкзаке была пришита тканевая метка. Она порвалась и замахрилась по краям, однако некоторые буквы еще читались.

Олунд повнимательнее присмотрелся к ярлычку, какие мамы по всему миру пришивают к вещам своих детей.

Методом исключения он сумел определить, что там написано. Слово напоминало “Мелисса”. Да, совершенно точно: Мелисса. Разобрать фамилию оказалось сложнее, но она, похоже, заканчивалась на “-стрём”.

В комнату для отдыха Олунд пришел уставшим и потому с благодарностью принял предложенную надзирательницей чашку кофе.

– Я только что разговаривала с руководителем охранного предприятия, – сказала надзирательница, садясь за стол. – У охранника, которого пнула девушка, есть разрешение на оружие. Он когда-то служил в правительственной канцелярии... откуда его уволили прошлой осенью. Причина – неподобающее поведение.

– Превышение должностных полномочий? – Риторический вопрос Олунда мог сойти за констатацию факта.

– Именно... Но разрешение на владение оружием он сохранил. Его начальник утверждает, будто не знал, что он держал пистолет в своем шкафчике, но кое-кто из сослуживцев, похоже, в курсе. – Надзирательница отпила кофе и продолжила: – А сегодня он, уходя на обед, забыл запереть шкафчик. Решили, что девочка, когда сбегала, стащила пистолет, но пистолет просто завалился за полку.

Олунд не удивился, но энтузиазма у него это сообщение не вызвало. Его больше интересовал рюкзак.

– Значит... девочку зовут Мелисса? – спросил он.

Охранница покачала головой.

– Мы от нее пока ни слова не добились. Я спрашивала про Мелиссу, но она вообще никак не реагирует. Кстати, хотите чего-нибудь к кофе? В холодильнике, если рискнете, есть “косичка” с корицей. Она давно там лежит.

Олунд тяжело поднялся со стула и подошел к холодильнику.

– Поезд, на который “села” девочка, вышел из Свега четыре дня назад, – начал он, рыская глазами по полкам.

– На верхней, – подсказала надзирательница.

– Шестнадцать вагонов балансовой древесины. – Олунд наконец нашел “косичку”. – Из-за скатившегося бревна поезд на час задержали у водонапорной башни в Эмодалене, а потом в Море меняли локомотив, и поезд простоял там всю ночь. – Олунд положил “косичку” на разделочный стол и отрезал щедрый кусок. – Между Орсой и Бурленге однокорейка, там товарные составы часто останавливаются, чтобы пропустить пассажирские. Наш поезд перенаправили в Лудвику, потому что рельсы деформировались из-за жары, а на перегоне между Лудвикой и Стокгольмом нашлось еще с полдюжины мест, где поезду пришлось постоять. Обслуживать железнодорожные пути сейчас трудно, там масса проблем – неисправности стрелочного перевода, обрыв контактной сети... А искривление рельсов – особенно коварная штука. И на каждой такой стоянке девушка спокойно могла забраться на платформу вагона. От Свега до Стокгольма больше пятидесяти миль, большая часть пути идет через лес, но до самой сортировочной в Томтебуде никто не будет вылавливать безбилетников. Итого весь путь от Свега до Стокгольма занял около тридцати девяти часов, включая ночь в Муре.

Надзирательница, похоже, вполне удовлетворилась этими подробностями.

– Ясно... Как вы думаете, кто эта девочка? – спросила она.

– Пока не знаем. Но у нее в прошлом явно какая-то травма. Мы сегодня после обеда кое-кого ждем. – Олунд откусил булочку и снова сел. – Одного следователя из Оперативного

управления, он расследует преступления против детей, – пояснил он. – Девочка явно пережила что-то страшное.

– Вроде изнасилования?

– Может быть.

– Если у вас к ней пока нет вопросов, я свожу ее хотя бы помыться. – Надзирательница встала, подошла к двери, где остановилась, и, улыбаясь, повернулась к Олунду.

– Пока я не ушла... Как это – “рельсы деформируются от жары”?

Это же и так понятно, подумал Олунд.

– В такую жару, как сейчас, пути искривляются. От этого поезда сходят с рельсов.

– Вы и к поездам равнодушны? Не только к машинам? – рассмеялась надзирательница.

– Люблю все, что ездит, плавает или летает.

* * *

Когда надзирательница открыла дверь в камеру, в нос ей ударил сильный, трудноопределимый запах.

Пот и... как будто мята, подумала она.

Девочка подняла взгляд и, не здороваясь, уставилась на надзирательницу.

В ее глазах не было враждебности, девочка смотрела на нее спокойно и очень пристально, однако выдержать взгляд было трудно. Через несколько секунд надзирательница почувствовала себя неудобно.

В памяти всплыло непрошеное воспоминание из детства. Каникулы на Крите, встреченная в переулке бродячая собака – тощая, облезлая. Собака в упор смотрела на нее, и она, тогда еще маленькая, не знала, смотреть ли в ответ или отвести глаза. Теперь, на пороге камеры, надзирательница ощутила тот же спазм в желудке.

– Если понимаешь, о чем я говорю, – кивни. Тебе надо принять душ, помыться. Хорошо?

Темно-карие, почти черные глаза никак не вязались с по-скандинавски белокурыми локонами.

Надзирательница протянула руку.

– Идем... Ты вся грязная, тебе надо принять душ, – повторила она, сама услышав, что слова, вопреки ее желанию, звучат как приказ.

Девочка, к удивлению надзирательницы, помедлила, но все же взяла ее за руку и встала.

Обе пошли по ярко освещенному коридору с белыми стенами. Девочка ступала по полу паразитично тихо, почти беззвучно.

Надзирательница открыла дверь душевой, принесла полотенце, два пакетика – с мылом и шампунем – и протянула девочке.

– Если стесняешься, можешь раздеться здесь, – сказала она, указывая на кафельную перегородку в стене душевой. Потом она положила полотенце на деревянную скамью и открыла один из кранов.

Отошла в сторону, подставила руку под струю.

– Смотри! Приятная, теплая, чистая вода.

Надзирательнице казалось, что она разговаривает с малышом. Что-то подсказывало ей, что девочка вряд ли раньше видела душ.

Чего в девочке не оказалось, так это стеснительности. Она тут же стащила с себя кофту, и надзирательница увидела, что она значительно моложе, чем они думали. Грудь нет, соски едва наметились. Наверное, их ввел в заблуждение рост девочки.

Может, у нее еще переходный возраст не начался? Надзирательница положила на полочку у крана пакетики с жидким мылом и шампунем и села на скамейку метрах в двух от душа, чтобы девочка не чувствовала себя под неусыпным взглядом.

Жесткие спутавшиеся волосы до лопаток. Стройная, как сосна, на теле ни грамма жира. Спина и ноги в красных ссадинах. Ребенок ростом метр семьдесят, на грани истощения.

Девочка подставила руку под струю и шагнула в кабинку. Подняла голову, намочила волосы. Медленно повернулась, прислонилась спиной к кафельной стенке и закрыла глаза. Она явно наслаждалась купанием.

Охранница невольно опустила глаза и вздрогнула. Перед ней была не девочка в предпубертате.

Перед ней вообще была не девочка.

Глава 17

Норрурт

Оба они носили покойников уже довольно давно. Чаще всего на носилках, которые они тащили вниз по лестнице какого-нибудь многоквартирного дома, мимо закрытых дверей и любопытных глаз, смотревших в замочную скважину, оказывались одинокие старики. Хуже всего бывало, когда эти старики месяцами, если не годами, лежали в своих квартирах – вокруг них продолжалась жизнь, но по ним никто не скучал. Однажды, приехав на место, они обнаружили труп, пролежавший семь месяцев, – и вполне живого и здорового кота. Коту удалось открыть дверцы буфета, и он сожрал все, до чего смог добраться, но хозяина не тронул.

На этот раз их ждал не старик, а сорокапятилетняя женщина, которую звали Лола Юнгстранд. По словам криминалистов, она пролежала мертвой в своей квартире в Бергсхамре не так долго, дня три-четыре, но трупный запах ощущался уже на лестничной клетке, и оба тут же натянули защитные маски. Это все жара, проклятая летняя жара. Люди едут головой или вообще умирают от теплового удара.

И вот двое мужчин из похоронной команды ждали в прихожей, пока криминалисты закончат осматривать труп. Дверь в ванную была открыта, и они увидели покойницу – та, голая, полулежала в ванне. Женщина смотрела в потолок налитыми кровью глазами, высохшие светлые пряди свешивались через край. На полу лежала большая бутылка из-под водки и виднелась лужица желтоватой слизи. Наверное, женщину рвало.

В прихожей, на стене рядом с дверью ванной, висела картина; ее и стали разглядывать оба человека из похоронной команды. Сельская идиллия: крестьянский двор, залитый солнечным светом, пара сеновалов – так и представляешь себе, как кто-то валяется на сене, вкушая свежий воздух.

Двое криминалистов переговаривались, сидя возле ванны на корточках; из-за масок голоса звучали приглушенно. Эксперты рассматривали руку женщины.

– Отклонения? – спросил тот, что помоложе.

– Похоже на то, – подтвердил тот, что постарше.

Один из служащих похоронной команды подавил зевок. Он знал, что запахи состоят из физических частиц, и ему абсолютно не хотелось втягивать в себя трупный запах, в буквальном смысле глотать эти частицы. Стоя в дверях, он рассеянно оглядел гостиную.

На столике бутылка красного вина, наполовину пустая, бокал из наплывного стекла и переполненная пепельница, на стене над диваном пара портретов в рамках. Портреты походили на школьные фотографии и представляли двух мальчиков лет одиннадцати-двенадцати.

Вот черт, подумал он. Где теперь эти мальчишки?

Он шагнул к ванной и кашлянул.

– Это... У нее что, дети есть?

– Да... Живут с отцом.

Похоронщик подумал о собственных родителях. Отец вот уже семь лет как сошел в ад под руку с “Джонни Уолкером”. Матери хватило ума, чтобы в одночасье бросить пить, но при этом хватило глупости удариться в религию.

– Она что, упилась до смерти? – спросил он.

– Пока не знаем.

– Когда патологоанатом будет? – Похоронщик вздохнул.

– К сожалению, он пока не может приехать. В морге проблемы с морозильником. Мне жаль, что вам приходится ждать, но дело пойдет быстрее, если мы не будем отвлекаться.

Похоронщик с напарником уселись за кухонный стол. Вот бы оказаться в каком-нибудь другом месте. На севере Норвегии, например. С надежной удочкой. Чтобы соленый ветер в лицо, а на крючке чтобы болталась чудовищных размеров рыбина.

Ну и работа у него. И не полиция, и не похоронное бюро.

Трупный запах въедался в кожу, приходил вместе с ним домой, не давал уснуть по ночам. Иногда ему снились даже звуки. Один, самый жуткий, до сих пор преследовал его во сне. Они тогда приехали по вызову в дачный домик, забрать останки старушки, которая пролежала так долго, что уже и запаха не осталось. Когда они попытались поднять труп, голова и позвоночник с сухим перестуком отделились, а все остальное осталось лежать на полу.

Человек из похоронной команды выглянул в кухонное окно. За стеклом в салых отпечатках и пятнах присохшей пылицы играли в ленивом желтом свете предвечернего солнца дети.

– Жалко полицейских, которые зарегистрировали сообщение о смерти, – заметил он, думая о малышах, потерявших родителей.

* * *

В нескольких километрах южнее Бергсхамры, рядом с моргом Новой Каролинской больницы, судмедэксперт отправила во временный морозильник еще одно поврежденное плесенью тело.

Из восьмидесяти девяти трупов, перемещенных из постоянных морозильных камер в обшитое жестью строение на задах морга, пятна плесени обнаружились почти на двадцати. Мощности морозильников и вентиляции не хватало, и, насколько понимала судмедэксперт, они были обязаны этим плохому электроснабжению. Новая Каролинская больница, как заявил парень из обслуживающей компании, предпочла потратить миллион на замену сломанной двери, решив сэкономить на электросети, вина же за эту странную ошибку в расстановке приоритетов лежит на тех, кто приятельствует с теми, кто ведает частными контрактами, заключенными при возведении самой дорогой в истории больницы.

Судмедэксперт закрыла дверь обшитого жестью строения, вышла во внутренний двор и стянула с лица маску. Лицо блестело от пота, как лакированное, и женщина промокнула лоб и щеки носовым платком, после чего достала телефон и позвонила криминалистам, работавшим в Бергсхамре.

– Все, пускай труповозка везет ее сюда, – сказала она. – Кстати, как там с доставкой льда?

Из-за жары импровизировать приходилось не только моргу. Криминалисты прождали в Бергсхамре несколько часов, но труп надо было держать в холоде, и специалисты решились на необычные меры. Они позвонили в компанию по доставке льда и заказали несколько блоков.

– Ребята, которые привезли лед, здорово испугались. Обычно все их срочные вызовы сводятся к спонтанным вечеринкам с шампанским в Дандерюде или Юрсхольме. Они если и не видели покойницу, то запах учуяли. Но теперь с ней все в порядке.

– Вы нашли на теле что-нибудь, на что мне стоит взглянуть попристальнее? – спросила судмедэксперт.

В трубке несколько секунд молчали. Две чайки опустились на крышу жестяного строения и принялись прогуливаться, словно запах обещал им что-нибудь съестное.

– Не на теле, – ответил наконец криминалист. – Скорее внутри тела. Рвота какая-то непонятная... Там как будто обрывки бумаги или тонкого картона.

– Картона?

– Да, похоже на картонную папку. Но лучше подождем, что скажет лаборатория.

Патологоанатом задумалась. Картон, бумага – в любом случае ни тому, ни другому не место в желудке. Интересно, как они туда попали.

Глава 18

Квартал Крунуберг

Бедра и икры колело, как ножом. Жанетт спускалась с Торнбергет, в наушниках гремела “Sheena Is a Punk Rocker”⁶. По обе стороны площадки волчьей пастью зияла бездна, готовая поглотить насыщенные адреналином человеческие тела. Велотренажер подрагивал в такт движению, и Жанетт, отвечая на вибрацию седла, все больше напрягала низ живота.

---

⁶ Песня группы “Ramones”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.